

Ольга Росса

Канарейка Великого князя

Ольга Росса

Канарейка Великого князя

<https://litres.ru/73991876>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я бежала от преследователя, а попала в прошлое. На дворе теперь 1825 год. Тёмный колдун провёл древний ритуал, и я оказалась в его власти. Только он может вернуть меня домой. Мне придётся выполнить его задание: заменить юную графиню Алединскую, стать фрейлиной великой княгини и очаровать её мужа. Вот только для чего, мой хозяин пока молчит. Но я узнаю всё о его тёмных делах и попрошу покровительства у самого великого князя.

В книге вас ждут:

#отважная попаданка с дворянскими корнями

#исторические личности

#дворцовый шик интриги

#страсть и любовь

#альтернативная история декабристов

магия и колдовство

Содержание

Глава 1. Побег	4
Глава 2. Сон	12
Глава 3. Это не сон!	19
Глава 4. Миссия	24
Глава 5. Первое утро	30
Глава 6. О дамских нарядах	36
Глава 7. Собрание за ужином	44
Глава 8. Обустройство	55
Глава 9. Стрелок	65
Глава 10. Общение	75
Глава 11. Касания бабочки	86
Глава 12. Подмена	92
Глава 13. Приём во дворце	101
Глава 14. Музыкальный вечер	107
Глава 15. Сюрпризы вечера	112
Глава 16. Фрейлинский шифр	120
Глава 17. Первое дежурство	129
Глава 18. Будни фрейлины	137
Глава 19. Вечер с гостями	143
Глава 20. Перестаралась	149
Глава 21. Перед балом	156
Глава 22. Метка	164
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Канарейка Великого князя

Глава 1. Побег

От автора:

Дорогие читатели, в книге есть герои, которые реально жили в 1825 году, но все описываемые события и диалоги - фантазия автора, опирающаяся на некоторые исторические факты.

В сюжете есть магия, это не исторический роман, а историческое фэнтези.

Глава 1. Побег

— Демидова, тебя зовут, — скривила гримасу Маринка, когда вошла в комнату для артистов.

— Кто? — насторожилась я, замерев, и посмотрела на коллегу.

— Тот обалденный блондин в костюме офицера, — девушка в пышном голубом платье подошла к соседнему зеркалу.

— Вот же невезуха, — прошипела я, пытаюсь расстегнуть жёлтое корсетное платье, и посмотрела на брюнетку. — Помоги, пожалуйста.

— Давай сама, а. Я забежала только носик припудрить. Мне ещё романс петь через минуту, потом тоже домой поеду, — прильнула девушка к зеркалу и, достав пудреницу,

демонстративно замахала широкой кистью для макияжа.

Больше ни за что не соглашусь работать с Маринкой на одном корпоративе. Никогда не дождёшься от неё помощи или какого-либо сочувствия.

Через мгновение бывшая сокурсница выпорхнула из комнаты, а я продолжала расшнуровывать корсет. Дурацкое платье! Дурацкого жёлтого цвета! Похоже, Маринка специально выбрала его для меня в прокате, чтобы я мучилась.

Кое-как справившись с платьем, я сняла его и скинула длинную нижнюю юбку с кринолином, аккуратно всё повесила на плечики и накрыла чехлом. Такие наряды носили чуть ли не две сотни лет назад. Если бы не юбилей одного богача, который решил устроить праздник в стиле «императорский бал», в жизни бы не стала носить такую неудобную одежду.

Быстро надела футболку и джинсы, в которых приехала сюда, натянула свитер. Разобрала высокую причёску, завязала свои светло-пшеничные волосы в высокий хвост. Влажными салфетками стёрла яркий сценический макияж, убрала вещи в рюкзак. Пора ехать домой, пока метро не закрыли. Гонорар завтра в клубе получу, не дождусь я нашего фронтмена. Денис сейчас вместе с остальными музыкантами на скрипке трели выводит в зале, где банкет проходит, не до меня ему сейчас.

Накинула косуху, обмотала шею шарфом и, взяв рюкзак, вышла из полутёмной комнаты. Праздник проходил в одном

из питерских особняков, который отреставрировали и превратили в настоящий дворец девятнадцатого века. Не в первый раз мне приходилось тут выступать с нашей группой, но впервые довелось петь на костюмированной вечеринке в стиле императорского бала.

Я осторожно шла по коридору, где располагалась хозяйственная часть особняка. Здесь было не так шикарно, как в банкетном зале, но чистенько. Свернула вправо, чтобы выйти к служебному входу, и тут меня резко схватили за локоть и толкнули в тёмную подсобку. Я даже пискнуть не успела.

— Уже убегаешь, канарейка? — нетрезвый мужской голос вызвал во мне настоящую панику.

Ублюдок заломил мне руки за спину и прижал к холодной стене. Я чуть не ударилась носом о стену, но успела отвернуться, и моя щека впечаталась в шершавую поверхность.

— Пусти! Я кричать буду! — зашипела я на придурка. Голос я узнала. Это тот самый блондинистый мажор, сын юбиляра, который с меня глаз не сводил, пока я пела на сцене.

— Только пикни, и я проткну тебя, — угрожающе процедил он, и мне в бок уткнулось что-то острое и твёрдое. Чёрт! У него шпага настоящая, что ли?!

Урод сдёрнул рюкзак, отшвырнув его, и вцепился пальцами мне в шею, сильнее вдавливая моё лицо в стену. Зрение ещё не привыкло к темноте, и я не успела разглядеть насильника, но была уверена: этот мажор в костюме офицера времён Крымской войны настроен решительно. Стиснув зубы,

я попыталась дёрнуться, и тут же куртку проткнуло стальное лезвие, достав до плоти.

— Тихо, канарейка, не рыпайся, — ехидно хохотнул мажор. — Отжарю тебя как следует и отпущу на волю. Если будешь послушной, то останешься цела и невредима.

Сердце бешено билось в груди, дыхание участилось, гормоны стресса всю разгоняли кровь. Закричу — точно заколет меня.

— Я сейчас ослаблю хватку, а ты не дёргаешься. Поняла?

— Да, — еле выдавила я, понимая, что придётся действовать быстро, как учили меня на уроках самообороны ещё в училище. Спасибо Савелию Николаевичу, нашему физруку.

— Умничка, птичка, — хмыкнул парень и осторожно убрал руку с моей шеи. Я отстранилась от стены, нагнула голову вперёд и ударила затылком насильника, угодив ему прямо в нос, а локтём со всей силы двинула в солнечное сплетение.

У меня получилось застать его врасплох. Мажор взвыл от боли, отступив от меня, и я кинулась к дверям, которые он не успел закрыть на ключ. Я выскочила в коридор и рванула куда глаза глядят. Вслед мне полетел отборный мат.

— Стой, гадина! — гнался за мной насильник.

Не оборачиваясь, я неслась по коридору. Чуть не сбила с ног официанта, который успел прижаться к стене, но поднос с пустой посудой обрушился на пол, задержав тем самым преследователя. Я опять свернула, не соображая, куда бегу.

Крики и топот неслись следом. За очередным поворотом я уткнулась в тупик. Здесь не горел свет, но в конце коридора находилось высокое окно, сквозь которое расходились лучи работающего уличного фонаря.

— Чёрт! — выругалась я, увидев добротную решётку на окне, и кинулась к первой двери. К счастью, она не была заперта и впустила меня в последний момент. Хотя этот урод быстро догадается, куда я пропала.

Очутившись в тёмном помещении с окнами, через которые пробивался уличный свет, я первым делом стала искать задвижку или хоть какой-то замок. На двери висел только крючок, который не внушал доверия, но деваться было некуда, и я накинула его на петлю. И сразу удар сотряс деревянную дверь. Отпрянув, я уставилась на дёргающийся крючок. Нет, долго он не протянет.

— Открой! Я доберусь до тебя, мелкая тварь! — орал этот ненормальный, дёргая дверь на себя.

Я заметалась по комнате, заваленной каким-то хламом. Высокие шкафы, коробки, сломанные стулья, диван в чехле — я прикинула, что можно использовать в качестве затора. Попыталась сдвинуть с места диван, но тот словно из чугуна, даже не дёрнулся. Коробки оказались слишком лёгкие, в них лежали какие-то бумажные свёртки. А между тем дверь держалась на честном слове, сотрясаясь от ударов. Ещё немного, и этот придурок ворвётся сюда.

Вдруг слева что-то блеснуло. Присмотревшись, я увидела

у дальней стены огромное зеркало в бронзовой оправе. Мне показалось, это просто рама, так как зеркало не отражало той комнаты, где я находилась. В нём виднелся проход в другое помещение, в котором дрожал свет от свечей и тени зловеще шевелились на стене. Значит, там есть люди или выход.

Я рванула к раме, пробираясь через хлам. Чуть не упала, запнувшись о ножку валявшегося стула, но упорно продолжила идти вперёд в надежде на спасение. Сзади раздался треск, и я бросилась в проход. Время стало растягиваться, словно в замедленной съёмке. Уши внезапно заложило, в голове зашумело, и тело провалилось в мягкую невидимую субстанцию, которая обволакивала каждую мою клеточку, словно вата. Яркая вспышка ослепила меня, а потом я провалилась в темноту.

Ольга

"Канарейка Великого князя"

Ольга Росса

Глава 2. Сон

— Оля, ты опять давишь на клавиши, — недовольно заметила бабушка назидательным тоном. — Специально это делаешь?

Я убрала руки с фортепиано и вымученно посмотрела на неё. Красивое бордовое платье, белая тонкая шаль на плечах, светлые волосы с проседью уложены в аккуратные булки. Точно на свидание собралась.

— Бабулечка, вы сегодня такая красивая, — ни капли не соврала я, глядя в её лучистые голубые глаза, — прямо как актриса. Вас, наверное, Вениамин Алексеевич на прогулку пригласил?

— Всё ты замечаешь, любопытная, — она немного смутилась. — Не отлынивай от занятий, ещё десять минут осталось. Скоро родители с работы придут.

— Я устала, в школе сегодня контрольная по математике была и в музыкалке по сольфеджио, — я обратила умоляющий взор на бабушку. Знаю, она строгий педагог, но любит меня, всё-таки я единственная внучка.

— Хорошо, отдыхай, но завтра занятие будет дольше на десять минут. Поняла? — и всё же уступила мне. — Родителям только не говори...

— И что нам не говорить? Опять строите коварные планы, мама? — ироничный голос отца раздался у порога, не дав

бабушке договорить.

— Папа! — я кинулась к нему на шею. Он обнял меня, приподняв над полом на мгновение. До его двух метров роста я никогда не дорасту, в маму пошла. От него пахло больницей: смесью лекарств и хлорки.

— Инесса Михайловна, как позанимались сегодня? — вслед за отцом вошла мама, держа в руках коробку с шоколадным тортом. Её золотистые кудри рассыпались волной по плечам. Какая она у меня красивая, особенно сегодня.

— Хорошо, Леночка, — улыбнулась бабушка своей снохе. — Оленька старательная ученица, хоть кто-то пошёл по моим стопам, — и посмотрела на меня, изогнув левую бровь. Этот невербальный знак означал, что бабушка мне на что-то намекает. Неужели на то, чтобы я не раскрывала её маленький секрет? Можно подумать, родители не знают, что сосед из первого подъезда ухлёстывает за бабулей.

— Умница, — мама мимоходом погладила меня по голове, — значит, торт заслужила.

— Ура! — обрадовалась я, предвкушая чаепитие, и поспешила к столу. — А в честь чего торт?

— Сегодня ровно пятнадцать лет, как мы с твоей мамой поженились, — гордо сообщил отец, показав руку с обручальным кольцом.

— Ух ты! Точно ведь! Поздравляю! — и я кинулась обнимать маму и потом снова папу. — Я так рада за вас.

— Прекрасный повод посидеть всей семьёй за одним сто-

лом. Пойду чайник поставлю, — улыбнулась бабушка и направилась в сторону кухни.

— Как дела в школе? Написала контрольную? — мама взяла ножницы из серванта, которому было уже более ста лет, и ловко разрезала ленту на пластиковой коробке.

— Написала, на тройку, наверное, — удручённо вздохнула я, наблюдая, как она снова пошла к шкафу и достала оттуда фарфоровые тарелки.

— Троек нам не надо, — папа решил помочь маме и взял чашки, расставляя их на столе. — Ты же в следующем году собралась в музыкальное училище поступать. Не расслабляйся, Ольга Владимировна. Ты же Демидова, в тебе течёт дворянская кровь.

— Володя, не дави на дочку, — мама ласково посмотрела на мужа. — Ей и так нелегко совмещать две школы.

— Хорошо, не буду, — смягчился отец, — но помни, доченька, что мы, Демидовы, никогда не пасуем перед трудностями и всегда проходим все испытания жизни с гордо поднятой головой...

Слова папы эхом раздались в голове. Тот день был последним счастливым в нашей семье, он мне часто снился. Пятого мая родители погибли в авиакатастрофе, а спустя четыре года умерла бабушка от инсульта...

— Ты кого привёл? — возмущался мужской голос где-то на краю моего сознания. — Что это за нищенка в драных

штанах?

— Высшие силы не ошибаются, — невозмутимый приятный баритон прозвучал уже ближе к моему восприятию. — Ты посмотри, Кондратий, она же вылитая Алединская: светлые волосы, красивая, телосложение такое же стройное и рост одинаковый.

Потихоньку я начала приходить в себя. Спину холодила каменная поверхность, руки и ноги были так крепко связаны, что я пошевелиться не могла. Что случилось? Где я?

Приоткрыла веки — всё расплывалось перед взором. Две тёмные фигуры маячили слева, бурно что-то обсуждая. Вокруг мрак, только несколько свечей освещали помещение, похожее на погреб. Влажный прохладный воздух пробирался через одежду.

— Внешность, может, и такая же, да только как она сможет заменить Алединскую? Манеры и воспитание магией не наколдовать, знания и умения в голову не вбить, — первый голос продолжил спор. — Зря я согласился на эту авантюру, да ещё в собственном доме.

— Ты слишком полагаешься на свой разум, Кондратий, и мыслишь человеческими штампами, — второй мужчина не поддавался на провокации своего оппонента. — Высшие силы лучше тебя знают, кто подходит на роль фрейлины великой княгини. Может быть, она и выглядит странно, но я уверен: моё заклинание привело к нам именно ту девушку.

Я слушала их странный разговор и понимала, что они го-

ворят обо мне, но некоторые слова вгоняли меня в недоумение. Я, наверное, всё ещё сплю.

Пока мужчины разговаривали, не обращая внимания на меня, я пригляделась к ним, так как зрение начало проясняться.

Оба молодые, около тридцати лет, темноволосые, с похожими причёсками. И в какой-то старинной одежде, словно они только что пировали на том банкете в стиле императорского бала. Меня похитили? Может, тот мажор меня догнал, долбанул по темечку и спрятал в подвале особняка, приставив как охрану своих сообщников из числа гостей? Очень похоже на то. Паника подкатила к горлу.

— Наша барышня очнулась, — с фальшивой лаской проговорил тот, что повыше ростом. Шагнув, он наклонился над мной, и я смогла разглядеть его лицо: чётко очерченные скулы, прямой нос и зелёные глаза, что с прищуром разглядывали меня. — Как вас зовут, милое создание?

— Оль-га, — еле слышно прошептала я, леденея от ужаса и пробирающего холода от каменной плиты. — Вы кто?

— Вот видишь, Кондратий, они даже тёзки, — обрадовался мужчина, растянув губы в довольной улыбке.

— Развяжите меня, — набравшись смелости, выпалила я.

— Меня зовут Пётр Григорьевич, это я вас сюда перенёс, — невозмутимо ответил мужчина и выпрямил спину. — И теперь вы в моей власти, Ольга. Как вас по батюшке, кстати? Что?! Меня похитили маньяки!

Пётр

"Канарейка Великого князя"

Ольга Росса

Глава 3. Это не сон!

— Отпустите меня немедленно! — попыталась я вырваться из пут, но они держали меня, словно стальные.

— Успокойтесь, Ольга, — резко оборвал мои крики тот, кто представился Петром. — Я обязательно отпущу вас и даже верну туда, откуда выдернул, но после того, как вы выполните свою миссию.

— Какую ещё, к чёрту, миссию?! — процедила я, понимая, что этот больной не отпустит меня.

— Заменить графиню Алединскую и занять место фрейлины великой княгини Елены Павловны, — спокойно отвечал этот сумасшедший. Из какой психушки он сбежал?

— А дальше что? — я решила подыграть. С психами надо вести себя осторожно.

— Очаровать её мужа, великого князя. И если у вас это получится, убедить его сделать то, что нам нужно.

— И что вам нужно? — сглотнула я ком в горле.

— Пока не могу сказать, иначе есть риск, что вас раскроют, — Пётр говорил загадками. — У вас нет выбора, Ольга... Как вас там по батюшке? Так и не поведали нам.

— Владимировна. — Сердце бешено билось в груди.

— Ольга Владимировна, если вы не выполните миссию, домой не вернётесь. Вам ясно? Откуда вы к нам прибыли? — его зелёные глаза пристально посмотрели на меня.

— В каком смысле? — воздуха вдруг стало не хватать, и я чаще задышала. — Из Питера.

— Пётр, что ты с ней возишься! Ты же видишь, она из простолюдинок! — снова возмутился Кондратий.

— Зато я смотрю, вы самых благородных кровей, аристократ, девушек похищаете и в подвале держите. Я хоть в Питере сейчас? — меня взбесили его слова, но я решила выяснить, где вообще нахожусь.

— Да, мы в Петербурге, на набережной реки Мойки, — уточнил Пётр. Вот и славно, это не так далеко от дома. Метро по-любому уже закрыто, придётся бежать по улицам, да подальше отсюда. Только бы выбраться.

— Я, между прочим, из рода Демидовых, — решила я продолжить разговор. — И советую отпустить меня, иначе у вас будут большие проблемы.

— Что? — хохотнул второй мужчина. — Пётр, ты слышал? Эта оборванка дворянка?!

— Зато вы выглядите, как будто музей ограбили или сбегали из палаты, где вместе с Наполеоном лечились, — не выдержала и высказала всё, что о них думаю.

— При чём тут Бонапарт? Он умер четыре года назад, — с искренним недоумением ответил Кондратий. Намёка на психушку он не понял. Стоп! Что он сказал?

— И в каком году умер Наполеон Бонапарт? — я с опаской посмотрела на мужчин, чувствуя подвох.

— Он скончался на острове Святой Елены пятого мая, в

одна тысяча восемьсот двадцать первом году — об этом всем известно, — Пётр сдвинул брови и призадумался, разглядывая меня уже более пристально. И тут я поняла, что говорят они вроде на русском, но как-то немного не так.

— Хотите сказать, что сейчас тысяча восемьсот двадцать пятый год? — нервно хмыкнула я.

— Именно, от Рождества Христова. Сегодня двадцать девятое октября, — Кондратий гордо взглянул на меня.

— Шутите? Чем докажете? — я решила прибегнуть к уловке, может, они меня всё же развяжут, и тогда я сбегу. — Хочу выйти на улицу и посмотреть на Питер девятнадцатого века.

— Ольга Владимировна, а там, откуда вы прибыли, какой сейчас год? — с прищуром посмотрел на меня Пётр.

— Двадцать первый век, пятнадцатое октября, две тысячи двадцать четвёртый год, — натянула я искусственную улыбку до ушей. Кажется, эти сумасшедшие не ожидали такого ответа.

— Не может быть... — сдавленно прошептал Кондратий, приложив ладонь к щеке. — Она из будущего? Пётр, как такое возможно?

— Возможно, как видишь, — задумался второй мужчина. — Хорошо, Ольга Владимировна, мы выведем вас на улицу только для того, чтобы вы удостоверились, какой сейчас век на дворе. Только прошу без глупостей.

Пётр взмахнул рукой, прошептав какую-то фразу, похо-

жую на латынь, и я ощутила, как мои оковы пропали, точнее, просто испарились. От удивления я застыла на месте, потом медленно подняла одну руку и поднесла её к лицу. На запястьях совершенно ничего не было, никаких наручников или даже браслетов. Что это? Гипноз?

— Вставайте, вы же так рвались увидеть Петербург, — усмехнулся мужчина.

Аккуратно я села на каменной плите, свесила ноги и встала на кирпичи, что устилали пол подвала. Ноги еле слушались меня от долгого пребывания в одной позе, да ещё в странных кандалах. Взглянула на место, где лежала, — абсолютно ровная мраморная плита, установленная на четырёх каменных подпорках, и никакого намёка на кандалы или креплений. Рядом на полу была начерчена мелом странная пентаграмма, на которой остатки оплавленного воска прилипли к полу.

— Благо Наталья с дочкой в Батово уехали, — недовольно проворчал Кондратий, взяв один из подсвечников с полки. Я заметила большой старинный фолиант, лежащий на столе. Такое ощущение, что эти двое сумасшедших тут в магов играли. А может, они сатанисты?

Кондратий открыл скрипучую дверь и вышел в коридор.

— Барышня, не отставайте, — Пётр указал на проход.

Я шагнула за мужчиной, готовясь мысленно к побегу. Как только выйду наружу, рвану куда глаза глядят.

Мы поднялись по деревянной лестнице и оказались уже в

доме на первом этаже. Тёмный коридор, никаких светильников, только свечи в руках моих конвоиров дрожали, отбрасывая движущиеся тени.

— Туда, — указал Кондратий на дверь.

Это оказался просторный холл. Мужчины поставили подсвечники на столик в углу.

— Не советую делать глупостей, Ольга Владимировна, — строго посмотрел на меня Пётр.

Кондратий толкнул массивную дверь, и ворох снежинок ворвался внутрь. Он вышел первым, за ним последовала я. Пётр дышал мне в спину.

Оказавшись на улице, я замерла и забыла о том, что только что хотела бежать. Улица была погружена в кромешную тьму, только пара одиноких тусклых светильников мелькали вдали у соседних домов. Поразительная ночная тишина давила на уши: не слышно ни машин, ни гуляющих прохожих. С неба сыпалась снежная крупа, застилая мостовую.

— Нет... нет... нет... — я попятилась, замотав головой.
— Этого не может быть!

Глава 4. Миссия

— Ольга Владимировна, теперь вы убедились? — Пётр стоял возле стола, наливая из самовара в мою чашку горячий чай.

Мы сидели в кабинете Кондратия Фёдоровича. Я уже успела не один раз убедиться, что попала в прошлое. Вся обстановка в квартире говорила об этом: мебель старинного дизайна, хоть и выглядевшая новой, деревянные рамы вместо пластиковых окон, драпированные шторы из натуральных тканей, крашенные в светлый цвет стены, которые украшали картины маслом. По потолку вилась простая изящная лепнина, в углу висела божница из икон, свечи в канделябрах распространяли по комнате запах воска, в печке трещали дрова.

— Убедилась, — процедила я, сжав пальцы в замок. — Но почему именно я? И как вообще оказалась здесь?

— Я провёл древний ритуал, и Высшие силы послали вас нам в помощь, — строгим, но чуть высокопарным тоном объяснялся Пётр. — Теперь, пока вы не исполните миссию, не сможете вернуться домой.

— Тоже мне нашли мессию, — проворчала я, взяв фарфоровую чашку и грея свои озябшие пальцы. Посмотрела на мужчину. — Вы колдун?

— Да, получил дар от деда, — Пётр сел на соседний стул и

спокойно принялся пить чай. — Не советую шутить со мной, Ольга Владимировна, тем паче убегать. На вашей руке моя метка, по оной я вас везде найду.

Я тут же отставила чашку на стол и схватилась за запястье, но ничего не обнаружила.

— Вот тут, — горячие мужские пальцы сомкнулись на моём левом предплечье, и на коже проступил чёрный рисунок в виде треугольника, в который был вписан открытый глаз. — Он исчезнет, когда вы выполните свою миссию.

Мужчина отпустил мою руку, а я сглотнула образовавшийся в горле ком, наблюдая, как знак исчезает с кожи.

— Его видно, только когда я прикасаюсь к вам, — заметил моё удивление колдун. — Вам не сбежать и не скрыться.

Голова шла кругом. Как вообще такое возможно?!

— Поведайте нам о себе, пожалуйста, — вдруг подал голос Кондратий, сидя напротив меня, и отхлебнул из чашки. — Владеете ли вы языками, какое у вас образование?

— Изучала английский и немного знаю французский, — вздохнула я, — но в совершенстве не владею ни одним.

— И не надо, этого будет достаточно, — кивнул Пётр. — великая княгиня немка и жаждет выучить русский в совершенстве. Требует от всех фрейлин говорить с ней только по-русски.

— В моём времени давно нет Российской империи, никаких царей, князей, княгинь и фрейлин. Я понятия не имею, что мне предстоит и как себя вести, — фыркнула я, посмотрев

рев на мужчину.

— Нет?! — встрепнулся Кондратий, и на его лице расплылась одухотворённая улыбка. — Расскажите, как это произошло и когда?

— Давайте позже об этом поговорим, — Пётр резко прервал друга, посмотрев на меня. — Знать будущее интересно, но иногда весьма опасно. Пусть Ольга Владимировна расскажет нам, умеет ли она музицировать или петь? Это важнее сейчас.

— Я закончила в этом году музыкальное училище по классу фортепиано, занималась хоровым пением, — честно призналась я.

— Превосходно! — мужчина посмотрел на Кондратия. — Я же говорил, что Высшие силы прислали нам именно того, кого нужно, — потом он вернул взгляд своих зелёных глаз на меня. — Елена Павловна обожает музыку, у вас есть все шансы занять место её фрейлины, которая скоро выйдет замуж и покинет свой пост возле княгини.

— Безумие какое-то, — чуть слышно прошептала я, снова отпив из чашки. — Как я заменю ту самую графиню? Как там её зовут?

— Ольга Александровна Алединская, девятнадцать лет, выпускница Смольного института, владеет игрой на фортепиано. Внешне вы вылитая она, осталось вас только переодеть, причесать, снять эти ужасные фиолетовые накладные ногти, — покосился Пётр на мои руки.

— Почему ужасные? Это гель-лак, — нахмурилась я, взглянув на свои пальцы. — Мне через неделю к мастеру идти, чтобы сделать новый маникюр.

— Но вы же понимаете, что с такими ногтями тут не ходят.

— Ладно, — я вздохнула. Спорить с ним бесполезно. — Допустим, я заменю графиню. Но её родители и близкие догадаются о подмене.

— Матушка Ольги скончалась десять лет назад. Генерал Алединский отдал дочерей учиться в Смольный. Сам женился во второй раз, у него растут сын и дочь, помимо Ольги и Екатерины, которой в этом году исполнилось шестнадцать, — мужчина словно энциклопедию читал. — Ему не было дела до дочерей от первого брака, он редко с ними виделся, лишь обеспечивая их пансион. Единственный близкий человек Ольги Александровны это её сестра, которая сейчас учится в Смольном. Не беспокойтесь, вы с ней точно не увидите.

— Вы так уверены, что княгиня предпочтёт её? — нужно знать обо всём, прежде чем я приму решение, хотя выбора мне никто не давал.

— Во-первых, Ольга красива и очаровательна, во-вторых, довольно талантливая девушка, чем привлечёт внимание не только Елены Павловны, но и её мужа, — пристально смотрел на меня мужчина, как будто он сейчас говорил обо мне. — Но самое главное — генерал Алединский, воспитатель ве-

ликих князей. Михаил доверяет ему, а значит, будет доверять и его дочери. Именно Ольга самая перспективная кандидатура в фрейлины. И вам предстоит заменить её. Через неделю состоится приём, на котором будут присутствовать все претендентки. Ваша задача — показать себя во всей красе.

— Что вы подразумевали под фразой «очаровать великого князя»? — вспомнила я слова, произнесённые колдуном ранее.

— То и подразумевал: привлечь внимание, очаровать и влюбить в себя, чтобы Михаил Павлович потерял голову, — сухо отчеканил Пётр.

— Стать любимой женщиной, ради которой он пойдёт на всё, — вкрадчиво добавил Кондратий.

— Вы хотите сказать, стать его любовницей?! — от возмущения я округлила глаза.

— В идеале да, — ухмыльнулся колдун. — Когда князь будет у вас на крючке, тогда вы, Ольга, и уговорите его сделать то, что нам нужно.

— Но ведь князь женат! За спиной княгини я буду крутить шашни с её мужем? — от возмущения я сжала кулаки.

— Будете, если хотите вернуться домой, с нажимом произнёс Кондратий. — Михаил по повелению матери в прошлом году вступил в династический брак, но он не любит свою жену. К тому же в феврале Елена родила ему дочь, чем немало расстроила князя. У вас прекрасные шансы стать лю-

бовницей Михаила Павловича.

— Сумасшедшие, — отчаянно процедила я.

— За неделю мы вас обучим азам этикета, — продолжил колдун, как будто не слышал моего ругательства. — Также необходимо выучить несколько танцев. Думаю, у вас получится, ведь вы сами говорили, что в вас течёт дворянская кровь Демидовых. Родовая память должна сработать.

— А если не сработает и у меня ничего не получится? — пыхтела я, злясь. Всё продумали эти ненормальные.

— Получится, иначе Высшие силы вас бы к нам не отправили, — невозмутимо ответил Пётр.

Вот заладил со своими «высшими силами».

— Уже слишком поздно. Пора ложиться спать, — Кондратий взглянул на окно, за которым по-прежнему царила непроглядная мгла. — Завтра у вас будет насыщенный день, Ольга Владимировна.

— Погодите, но я не дала своего согласия, — больше всего меня злила эта безысходность.

— Оно и не требуется, — ухмыльнулся колдун, и в его глазах заплясали зловещие зелёные огоньки.

Глава 5. Первое утро

Меня отвели в гостевую комнату. Пётр сразу предупредил, что дом находится под охранным заклинанием и мне отсюда не сбежать. Закрыл дверь, повернул ключ в замке. Я долго сидела на кровати, переваривая все события и слова мужчин, и не верила в происходящее. Может, я ударилась головой и нахожусь в коме? Или мне просто снится странный сон, похожий на реальность?

Я сняла с себя верхнюю одежду, оставшись в футболке, и легла в постель, укутавшись в одеяло. На улице завывал ветер, крошечная тьма зияла в окнах. Было страшно и жутко, но всё же сон сморил меня.

Проснувшись я оттого, что замёрзла, съёжившись под одеялом. Открыла глаза. Белый потолок с лепниной сразу напомнил мне, где я нахожусь. Комнату заливал солнечный свет. Кажется, я долго спала. Подскочила с кровати, таща за собой одеяло, и кинулась к окну, которое находилось на третьем этаже и выходило на набережную. Это точно не сон!

За окном Петербург, но не тот, к которому я привыкла. Конные экипажи спешили по слегка заснеженной мостовой, прохожие в старинной одежде зябко кутались, спасаясь от холодного ветра. Никаких машин, электрических проводов, ярких вывесок магазинов. Значит, мне вчера точно не пришло в голову. Руки опустились плетьюми, и одеяло соскользнуло

с плеч на пол. Чувство безысходности накрыло меня.

«Держись, Ольга! Ты же Демидова! — мысленно твердила я себе, поджав губы. — Демидовы никогда не пасуют перед трудностями и всегда проходят испытания жизни с гордо поднятой головой».

Слова отца стали для меня молитвой, которую я часто повторяла после смерти родителей и бабушки. Именно она не позволила мне опустить руки, а также дала силы закончить училище, найти работу и подготовиться к поступлению в консерваторию.

— Вы проснулись? О, простите!

Я обернулась и увидела спину Петра Григорьевича, который топтался у двери. Сообразила, что на мне только футболка, еле прикрывающая ягодицы.

— Вы что это врываетесь без стука? — процедила я, хватая джинсы и свитер со стула.

— Думал, вы уже одеты, — ироничные нотки прозвучали в его голосе.

— И почему так холодно? — я уже дрожала вовсю от прохладного воздуха в комнате, натягивая одежду.

— Печь в вашей комнате не истопили ещё, не хотели будить вас.

— Чёрт, — прошипела я, посмотрев на высокую узкую печь, которые называли голландками. Забыла, что тут нет центрального отопления.

— Не ругайтесь. Пора завтракать и заняться делами, —

строго напомнил мне мужчина о том, для чего сюда меня выдернули из моего комфортного мира.

— Какими ещё делами?

— Во-первых, вам нужна одежда, соответствующая нашему времени и статусу дворянки. Скоро придёт модистка и снимет с вас мерки, — будничным тоном ответил Пётр. — Во-вторых, начнём занятия по этикету и манерам.

— Скажите, вы хотите похитить Ольгу Алединскую? — пришла мысль в мою голову — ведь настоящую графиню придётся куда-то деть.

— Конечно, сообразительная вы моя, — усмехнулся Пётр. — В тот момент, когда карета повезёт юную графиню на приём в Михайловский дворец, мы вас и поменяем. Вы оделись? Пётр обернулся, и его взгляд мазнул по моей фигуре.

— Неужели в двадцать первом веке женщины ходят в весьма неприглядной одежде? — изогнул он бровь дугой.

— Мало того, женщины полноправные члены общества и вольны сами выбрать свою судьбу, — язвительно фыркнула я.

— В интересное время вы живёте, — улыбнулся Пётр моей реакции. — Хватит болтать, время в столовую идти.

— Погодите, я хочу в туалет, и мне нужно умыться, причесаться, — потребности тела уже всю сигналили мне, что пора справить нужду.

— Вы имели в виду отхожее место? У вас под кроватью стоит ночная ваза. Слуга придёт, вынесет потом. На столике

приготовлен кувшин с водою и блюдо, можете умыться тут.

— Шутите? — изогнула я брови дугой. — Здесь нет канализации?

— Есть, но не думаю, что вы захотите посетить сие место, — ухмыльнулся этот гад. — Запах и холод, знаете ли. Я подожду вас в коридоре.

С этими словами он развернулся и вышел из комнаты. Я нырнула под кровать и нашла там фарфоровый горшок, больше похожий на большой соусник или супницу. М-да, удобства тут тоже соответствующие времени.

Когда я справилась с основными потребностями, вышла в коридор, уже дрожа от холода. Здесь было гораздо теплее, и я решила оставить дверь открытой, чтобы воздух хотя бы немного нагрел спальню. Пётр улыбнулся мне и выставил локоть, чтобы я взяла его под руку.

— Учитесь, Ольга Владимировна, манерам. Вам с «папенькой» скоро предстоит войти в зал Михайловского дворца, — он строго взглянул на меня. — Ваше обучение уже началось.

Поджав губы, я ухватила его локоть.

— Полегче и более нежно, — расплылся он в мнимой мягкой улыбке, за которой чувствовалась настолько мощная сила и мужская энергетика, что у меня волосы на руках встали дыбом. Станный трепет охватил меня. Колдовство? Надо быть осторожнее с этим колдуном.

Так вместе, идя под руку, мы вошли в просторную столо-

вую, где сам Кондратий Фёдорович накрывал на стол.

— Это никуда не годится, — проворчал он, окинув меня презрительным взглядом, и отставил тарелку с нарезанным хлебом. — Скоро придёт портниха, а вы одеты не пойми во что.

— Да, ты прав, нужно переодеть нашу гостью, — тут же согласился мой спутник. — Мы накроем на стол, а ты подыщи для Ольги что-нибудь из нарядов твоей жены.

— Придётся, — развел руками хозяин квартиры и вышел из столовой.

— Пойдёмте на кухню, посмотрим, что там стряпуха припасла для нас, — мужчина указал на смежную дверь.

Пока мы накрывали на стол, Пётр начал рассказывать про приборы и столовый этикет, показывая всё сказанное на практике.

— Как видите, ничего сложного, — улыбнулся он, указав на обычную сервировку.

— Меня бабушка учила хорошим манерам и этикету, — вздохнула я, вспомнив её уроки не только по музицированию. — Не думала, что мне пригодятся эти знания подобным образом.

— Замечательно. Я уверен, вы справитесь, Ольга.

— Иначе Высшие силы меня бы сюда не послали, — скривила я губы, повторив слова колдуна.

— Если мы найдём общий язык, барышня, вам же будет лучше — быстрее выполните свою миссию, быстрее вернёт-

тесь домой, — его глаза злоеще блестели.

— Всё, отыскал в гардеробе Натальи подходящее платье, — в столовую вошёл Кондратий. — Отнёс в вашу комнату. Переоденьтесь к завтраку, Ольга Владимировна. Не могу смотреть уже на ваш туалет.

— Ладно, — поджала я губы и пошла в сторону комнаты, где ночевала. Ишь какой нежный, туалет ему мой не понравился.

На кровати лежал целый ворох одежды: сорочка, корсет без жёстких вставок, пара нижних юбок, платье из тонкой бежевой шерсти, белая шаль с красной вышивкой, длинные панталоны, чулки и ботиночки. Взглянув на обувь, я сразу поняла, что она мне мала. Тут размер не больше тридцать шестого, а у меня тридцать восьмой.

Я смотрела на одежду и не понимала, с чего начать. Сорочка или корсет? А может, чулки?

Глава 6. О дамских нарядах

Я начала с панталон и чулок из тонкой шерсти, закрепив их выше колена специальными подвязками. Капец как неудобно, ещё и кожу немного колет пряжа. Потом натянула просторную хлопковую сорочку с глубоким декольте, которое еле прикрывало мою грудь, а сверху корсет без жёстких вставок. И вот тут начались проблемы.

Шнуровка была сзади, и у меня никак не получалось нормально затянуть его, чтобы он хотя бы держался на мне и не сползал с груди. Я уже и спереди шнуровку делала, чуть затянув её, а потом перекручивала корсет на место, но всё равно выходила какая-то ерунда.

— Да ё-моё! — психанула я в очередной раз, когда, изгаляясь таким образом, чуть не вывернула себе руки.

— Барышня, вам помочь? — шутиливый тон Петра выбежал меня окончательно.

— Да уж, пожалуйста! — я обернулась и зло поджала губы. — Как вообще женщины одеваются? Это же невозможно просто!

— У них есть горничные, — ухмылка так и сияла на лице колдуна, а его зелёные глаза бесстыдно разглядывали мою еле прикрытую грудь. — Я вам помогу.

— Будьте любезны, — и повернулась спиной к Петру.

— На будущее, не позволяйте мужчинам видеть лишне-

го, как сейчас, — ехидно заметил он, и тёплые пальцы коснулись моей шеи, двигаясь вниз по позвоночнику. Мурашки тут же ринулись врассыпную по коже. — Для юной барышни это настоящий позор. Какие нравы царят в вашем времени?

— Свободные, — я сглотнула образовавшийся вдруг ком в горле и густо покраснела, когда сильные пальцы начали затягивать шнуровку на корсете.

— Настолько свободные, что сейчас заливаются краской? — ехидничал мужчина, заметив мой румянец. — Сколько у вас было любовников? Насколько вы искушены в искусстве обольщения, Ольга?

— Что? — аж дыхание спёрло от такого вопроса. — Вам какое дело?

— Хочу понять, сможете ли вы увлечь великого князя настолько, чтобы он голову потерял из-за вас? — Пётр неторопливо тянул шнуровку, двигаясь вниз по моей спине. И движения его были настолько приятными и умелыми, что сразу видно, кто тут из нас искушен в искусстве обольщения. — Я жду ответа.

— Ваши «Высшие силы» точно выбрали не ту кандидатку для соблазнения князя. Я не смыслю ничего во флирте, — язвительно заметила я и ойкнула, когда мужчина жёстко закончил работу, закрепляя шнур. Пётр резко развернул меня за плечо, и его пальцы вцепились в мой подбородок, вздёрнув его вверх.

— Хотите сказать, что ваше тело не знало радости любви?

И вы ни разу не спали с женщиной? — зелёные глаза пристально буравили меня.

— Не хочу, а говорю прямым текстом, — новая волна смущения захлестнула меня.

— Тогда Высшие силы точно не ошиблись, — ухмыльнулся этот наглец. — Михаил будет рад любовнице, у которой он окажется первым мужчиной.

— Вы меня запутали, — запыхтела я, вырываясь из его цепких пальцев, и схватила юбки, надевая их. — То ему подавай искушённую девицу, то невинную.

— Я не говорил, что князя заинтересует искушённая девица, — язвительно заметил мужчина. — Просто хотел узнать, насколько вы искушены. Михаил аристократ до мозга костей и офицер, придерживающийся строгих правил. Он не любит распушенность и вседозволенность. Только такая милая и невинная барышня, как вы, Ольга, сможет заинтересовать его.

— Расскажите о князе. Чем он интересуется? — я натянула платье и снова отвернулась от Петра, давая ему намёк, чтобы он застегнул на спине пуговицы.

— Михаил Павлович не ценитель искусств. У него одна любовь на всю жизнь — армия. И соперничать с ней бесполезно, — мужчина так же ловко, но не спеша застёгивал петельки вокруг мелких пуговиц. — Поддерживайте его в разговорах о прошедших войнах, великих полководцах, военных учениях. Искренне восхищайтесь им как русским офи-

цером, командиром первой пехотной дивизии. И тогда вы покорите его сердце.

— Я вообще ничего не смыслю в военном деле, — показала я головой.

— И не надо, вы же женщина, — хмыкнул колдун, застёгивая последние пуговицы возле моей шеи, и его пальцы опять коснулись моей кожи, вызывая странную реакцию. — Будьте милы, слегка наивны, восхищайтесь больше армией и в меру самим князем. Ясно?

— Вполне, — поджала я губы и подошла к зеркалу, разглядывая себя. Светло-коричневое платье было мне чуть маловато, талия располагалась выше обычной линии, рукава на плечах слегка объёмные, юбка-колокол держала форму за счёт нескольких нижних юбок. — По-моему, это не мой размер, талия не на месте.

— Сейчас такая мода. Платье вам впору, только бы юбку чуть подлиннее. А обувь? — мужчина посмотрел на чужие ботинки, которые стояли в стороне.

— Они мне маленькие, — скривила я губы. — Не мой размер. Придётся ходить в своих?

Я указала на чёрные боты из экокожи с декоративной цепью и застёжкой-молнией, которые я ещё не успела надеть. М-да, таких тут отродясь не носили.

— Не годится, очень странно они выглядят, — цокнул языком Пётр, рассмотрев внимательно мою обувь. — Подождите, я кое-что придумал.

Он выскочил из комнаты, а я облегчённо вздохнула, хорошо, что мужчина не затянул меня туго. В нескольких слоях одежды было тепло, только непривычно и неудобно, но деваться некуда.

Через несколько минут вернулся Пётр. В руках он держал валенки, расшитые шёлковыми узорами, и лист бумаги с угольным карандашом.

— Красивые какие! Чьи это? — улыбнулась я. — Предлагаете ходить в них прямо дома?

— Почему нет? — изогнул он бровь. — Пол довольно холодный, зато тепло будет. Кондратий сказал, это валенки сестры Натальи, она их тут оставила ещё прошлой весной. Давайте я сниму с вас мерку. Потом схожу к обувщику.

Пётр положил лист бумаги на пол, присев на корточки.

— Ставьте вашу ножку сюда, — и указал на лист. Я послушно поставила правую стопу. Мужчина ловко обвёл угольным карандашом мой след на бумаге.

— Попробуйте, наденьте, — он, оставаясь стоять передо мной на одном колене, аккуратно ухватил мою ногу чуть выше лодыжки, приподняв её, и опустил в валенок. То же самое он проделал со второй ногой, отчего опять вогнал меня в краску своими чувственными касаниями. Стопы сразу ощутили тепло — они успели замёрзнуть на полу. Печь в комнате так и не истопили.

— Пойдёмте уже завтракать, — мужчина поднялся и взял с кровати шаль, заботливо набросив её на мои плечи. Я

невольно поёжилась под его пристальным взглядом. — Вот теперь полный порядок.

Трапеза оказалась простой: холодное запечённое мясо, соленья, хлеб, чай со сливками и свежей сдобой. Попутно Пётр и Кондратий учили меня поддерживать беседу за столом, но опять же незамужним девушкам не пристало много болтать, а следовало вести себя скромно.

Скоро появилась модистка, женщина средних лет, вполне хорошо одетая. Представилась она Надеждой Аркадьевной. Она строго разглядывала своим профессиональным взглядом мою фигуру. В спальне, где наконец-то топилась печь, женщина попросила меня раздеться до исподнего, и я осталась в одной сорочке. Она сняла с меня мерки, используя обычные ленты, делая на них узлы. Интересная у неё система. Потом она же мне и помогла надеть обратно корсет — снова просить Петра не хотелось.

На удивление модистка оказалась немногословной и лишних вопросов не задавала. Оно и к лучшему. Думаю, колдун и его друг знали, кого пригласить в дом. Надежда Аркадьевна пообещала прислать к вечеру кое-что из готовых нарядов, имеющихся у неё в салоне. Кондратий расплатился с модисткой.

Когда женщина ушла, Пётр вспомнил про обувь для меня и отправился в город, оставив меня с Кондратием.

Мы сидели в гостиной возле камина, в котором горел огонь. Я сняла шаль, так как в квартире стало довольно теп-

ло.

— Завтра утром поедem на службу в храм, — мужчина пристально смотрел на меня.

— Зачем? — округлила я глаза.

— На воскресную службу. Там будут присутствовать семейство Алединских и другие люди, которых вам нужно знать в лицо. После литургии вы уедете с Петром Григорьевичем в усадьбу к нашим друзьям. Здесь вам нельзя оставаться. Вернётся прислуга, нельзя чтобы они вас видели. Не хочу расстраивать жену грязными сплетнями.

— Понятно, — ухмыльнулась я. О семье печётся. — Позвольте узнать, что за друзья у вас?

— Познакомитесь сегодня вечером с некоторыми из них, — огорошил меня мужчина. — Ужинать поедem к князю Оболенскому.

— Уже? Но я не готова! — вопль возмущения тут же вырвался из моей груди.

— Не переживайте. Князь в курсе наших дел, и ужин будет проходить в очень узком кругу, — спокойно ответил Кондратий.

— Устраиваете смотрины для своих сообщников? — поняла я, что за ужин предстоит. Будет меня, как редкую зверушку, показывать своим так называемым друзьям.

— Скорее, очередное собрание нашего тайного общества, — улыбнулся мужчина.

— Какого общества? — тут же напряглась я. В памяти

всплыли уроки истории, к которым я, к сожалению, относилась пренебрежительно. Вспомнила только, что после Отечественной войны в стране как грибы после дождя появлялись тайные общества. Интересно, в какое именно входят Пётр и Кондратий?

Глава 7. Собрание за ужином

Пётр вернулся не с пустыми руками — с обувными коробками: туфли, обтянутые шёлком, с вышивкой, похожие на балетки; зимние сапоги из кожи с кучей пуговиц по голенищу; ботиночки из тонкой кожи и шёлка для повседневной носки в помещениях.

Вся обувь оказалась мне впору, и я искренне поблагодарила мужчину за удачный выбор. Пётр улыбнулся, ответив, что хорошенькие ножки достойны лучшей обуви. Ну вот, опять он вогнал меня в краску.

Ближе к вечеру прибыл посыльный от модистки и передал коробку, в которой были уложены мои новые наряды. Два повседневных платья, одно вечернее, сорочки, нижние юбки, корсет, панталоны, тонкие шёлковые и шерстяные чулки, шляпка-капор и длинный плащ, подбитый мехом, — всё новое, красивое, настоящая ручная работа. Я тут же принялась их мерить в своей комнате. Одежда и обувь сидели на мне отлично.

Я стояла перед зеркалом и любовалась вечерним платьем из светло-розового шёлка с длинными рукавами и глубоким овальным декольте. Всё же мода тех годов была красивой и романтичной, без кринолинов и жёстких корсетов. В детстве я мечтала стать принцессой, и вот смотрю на своё отражение, чувствуя себя настоящей аристократкой и леди.

— Вам очень идёт этот наряд, — вкрадчивый голос заставил меня вздрогнуть.

— Пётр, вас не учили хорошим манерам? — нахмурила я брови, скрестив руки на груди. — А если бы я стояла голой?

— Я помог бы вам одеться, — и на его лице заиграла хитрая ухмылка. — Вижу, пуговицы нужно застегнуть. Без моей помощи никак.

— Скорее бы у меня появилась горничная, которая будет помогать мне одеваться, — фыркнула я, поворачиваясь спиной к мужчине. Его пальцы, словно у талантливого музыканта, ловко и быстро застегнули моё платье.

— Будет у вас горничная уже завтра, как только приедем в особняк к нашим друзьям. Нам пора отправляться в гости. Вы готовы?

— Да. — И волнение забилося в моих висках.

— Прошу, — мужчина поднял со стула новый тёмно-синий плащ и помог мне надеть его.

До особняка князя Оболенского мы добирались в наёмной карете, ехали почти полчаса. Ноги у меня успели замёрзнуть в тонких ботиночках, больше похожих на закрытые туфли со шнуровкой.

Вышли у кованых ворот и проследовали к двухэтажному особняку. Я держала Петра под руку, осторожно ступая по тонкому слою снега, чтобы не поскользнуться в обуви на плоской подошве. Мужчина уверенно поддерживал меня. Чувствовалась в нём сила не только физическая, но и на

энергетическом уровне. «Наверное, это из-за магии», — решила я.

Сумерки уже сгущались над Питером, таким знакомым, но в тоже время совершенно другим.

В просторном вестибюле нас встретил настоящий дворецкий в ливрее, помог мне снять плащ и забрал мою шляпку. Я огляделась. Да, это не восьмикомнатная квартира на Мойке, где живёт Кондратий с семьёй, а настоящий дворец. Широкая белая мраморная лестница ведёт на второй этаж, под ногами паркет, выложенный в геометрический узор.

Дворецкий проводил нас по полутёмному коридору в столовую, где также горели свечи в бронзовых настенных канделябрах и на широком столе, за которым собралось четверо мужчин. Трое из них были в офицерских мундирах.

— Добрый вечер, господа, — Кондратий вошёл первым. — Имею честь представить вам нашу протеже Ольгу Владимировну Демидову.

Мужчины тут же встали со своих мест и разом обратили свои взгляды ко мне. Все довольно молодые, не старше тридцати пяти лет, статные, сразу видно — белая кость.

— Рылеев, а ты, однако, не обманул, — нам навстречу шагнул невысокий русоволосый офицер с бакенбардами.

И тут я удивлённо покосилась на Кондратия, услышав фамилию, знакомую ещё со школьной скамьи. Неужели тот самый общественный деятель и поэт? Вот это да!

— Барышня чудо как похожа на Алединскую, — мужчи-

на протянул руку, и я, как заворожённая, подала ему ладонь, на которой он оставил лёгкий поцелуй. — Я лично знаком с Ольгой Александровной. Вы с ней одно лицо. Евгений Петрович Оболенский к вашим услугам.

— Ольга, — еле вымолвила я, и мой взор переместился к другим мужчинам, которые с удивлением разглядывали меня.

Кондратий Фёдорович лично представил меня каждому из мужчин. Меня усадили за стол напротив хозяина особняка. Прислуги не было, и Пётр, сидевший рядом, ухаживал за мной, предлагая различные блюда.

— Кондратий, чем докажешь, что твоя протееже действительно из будущего? — молодой жгучий брюнет пристально взглянул сначала на меня, затем на Рылеева.

— Моё слово уже ничего не значит для тебя, штабс-капитан Бестужев? — поэт невозмутимо посмотрел на друга. — Я лично присутствовал, когда Пётр вершил ритуал, и видел собственными глазами, как из воздуха появилась барышня в странной одежде. Я даже сначала подумал, что наш колдун ошибся и вызвал какую-то простолюдинку в мужском наряде. Но потом узнал Ольгу Владимировну ближе и понял, что именно ей суждено стать той, что поможет в нашем деле. Я не сомневаюсь, что она из будущего. И уверен в успехе нашего дела.

— Ты порой слишком самоуверен, Кондратий Фёдорович, — отозвался симпатичный мужчина в форме офицера. Судя

по его эполетам и более пышной бахrome, он был выше всех по званию.

— Сергей Петрович, дорогой, не сомневайся. Ольга прекрасно справится с этой задачей, — ухмыльнулся мужчина. А я вот удивилась перемене, с ним случившейся, раньше обо мне он так не думал. — Она владеет игрой на фортепиано и поёт. У неё дворянские корни. В том времени, откуда прибыла наша гостя, не существует монархии. Понимаете?

Мужчины разом обратили свои взгляды ко мне, и я чуть не поперхнулась куском жаркого.

— Раз так, пусть Ольга Владимировна нам сыграет что-нибудь, — штабс-капитан кивнул в сторону, и я заметила в углу чёрный рояль, который не увидела раньше из-за плохого освещения. — Посмотрим, насколько она хороша.

Я покосилась на Петра, ища почему-то в нём поддержки. Его рука вдруг накрыла мою ладонь, одобрительно сжав похолодевшие пальцы, и мужчина кивнул. Деваться было некуда, я встала. Собравшиеся тоже поднялись и с любопытством наблюдали, как я иду к инструменту.

Сев на стул, я подняла крышку и замерла, не зная, что играть. Пётр поставил на рояль подсвечник, освещая для меня клавиши.

— Спасибо, — кивнула я, не глядя на колдуна. — Что сыграть вам, господа?

— А сыграйте-ка нам «Марсельезу», — вдруг выдал кто-то из офицеров.

Меня несколько удивил его выбор, но руки взметнулись и плавно опустились на клавиши, выводя знаменитую мелодию. И вдруг мужчины хором запели по-французски:

— Вставайте, сыны Отечества!

Настал день славы!

Против нас поднят флаг кровавой тирании

Слышите ли вы в своих деревнях

Рёв кровожадных солдат?

Они идут прямо к вам,

Чтобы резать ваших сынов, ваших друзей!

К оружию, граждане!

Стройтесь в батальоны,

Идём! Идём!

Пусть нечистая кровь

Пропитает наши поля¹...

Когда бравурная музыка утихла, раздался голос, одухотворённый и громкий:

— Первый нож на бояр, на вельмож. Слава! Второй нож на попов, на святош. Слава! А молитву сотвори, третий нож на царя! Слава²! — продекламировал Кондратий Рылеев, гордо подняв бокал, и выпил его содержимое одним залпом.

— Слава конституции! — хором ответили ему друзья.

И тут меня осенило. Кондратий Рылеев, декабрист, Се-

¹ Перевод с сайта www.amalgama-lab.com

² Из стихотворения К.Рылеева «Уж как шёл кузнец».

верное общество... значит, остальные гости... Боже! Куда я попала?

Я смотрела на мужчин и не могла поверить в то, что вижу. Неужели это правда те самые декабристы?

— Господа, вы что задумали? — я встала и ошеломлённо посмотрела на присутствующих. — Вас же повесят. Пострадают невинные люди.

В памяти всплывали уроки истории, и ужас охватил меня.

— С чего вы взяли, что нас повесят? — вышел вперед офицер — князь Сергей Петрович Трубецкой, хмуро смотря на меня.

— Вас, может, и не повесят, — указала я пальцем на него, потом взглянула на Рылеева, — а вот Кондратия Фёдоровича точно. Остальных отправят на каторгу в Сибирь или в ссылку.

— Вы же говорили, что в вашем веке нет монархии, — прищурился поэт. — Значит ли это, что нас ждёт успех?

— Пройдёт почти столетие после восстания декабристов, прежде чем от монархии в России ничего не останется, — мой голос звучал напряжённо.

— Кто эти декабристы? — усмехнулся Пётр.

— Вы, господа. Вас так историки назовут, потому что восстание на Сенатской площади произойдёт в декабре в одна тысяча восемьсот двадцать пятом году.

— А вот тут вы ошибаетесь, — усмехнулся князь Оболенский. — Мы не собираемся выступать в декабре. Восстание

намечено на лето следующего года.

— Пока не собираетесь, — стиснула я зубы, не зная, рассказывать всё или не стоит.

— Что вы об этом знаете, Ольга Владимировна? — Рылев подхватил меня под локоть и аккуратно усадил в кресло возле камина. — Просветите, почему мы решим выступить в декабре? Какого числа, не подскажете?

— Точно не помню, — пожала я плечами, — где-то в середине месяца, то ли четырнадцатого числа, то ли шестнадцатого.

— И что послужит причиной этого события? — продолжал допытываться у меня Кондратий.

— Смерть императора. Возникнет междувластие: на престол должен был взойти его брат Константин, но он подпишет отречение, — я сглотнула комок в горле, смотря на мужчин и не веря до конца, что передо мной стоят настоящие декабристы. — И до того как Николай объявит себя императором, пройдёт время. Вот вы и решите выступить с полками на площади, чтобы свергнуть монархию. Да только ничего у вас не выйдет. Восстание подавят, вас арестуют, а потом осудят и казнят как предателей.

В комнате воцарилась зловещая тишина, лишь свечи потрескивали и тени шестерых мужчин колыхались, словно призраки прошлого.

— Когда умрёт император Александр Павлович? — осторожно спросил меня кто-то из них.

— Точно не могу сказать, где-то в ноябре. В школе меня больше интересовала музыка, а не история, — я смотрела на офицеров исподлобья. — Больше я вам ничего не скажу, так как подробностей не помню.

— Думаю, этого достаточно, — выпрямил спину Кондратий. — Не зря всё же Высшие силы послали вас к нам. Теперь мы предупреждены и знаем, какие события нас ожидают.

— И вы ей поверили? А если она лгунья? — штабс-капитан сложил руки на груди и посмотрел на Рылеева.

— А вот это мы, Бестужев, проверим обязательно. Посмотрим, умрёт в течение месяца император или нет, — на полном серьёзе ответил ему сообщник.

— Интересно, зачем мне врать? — фыркнула я, злясь. — Выдернули меня из моего комфортного мира, где есть интернет, мобильная связь, электричество и центральное отопление. Ещё заставляют меня притвориться другим человеком и стать подстилкой для великого князя.

— Как грубо, — хмыкнул кто-то из заговорщиков.

— Говорю как есть, — я подскочила с кресла и рванула к выходу. Прочь отсюда! Но только я выбежала в полутёмный коридор, как запястье обожгло и мои ноги встали как вкопанные. Я не могла пошевелить и пальцем, даже губы онемели.

— Далеко собрались, Ольга Владимировна? — стальной голос прозвучал за спиной. — Я же сказал, что вам от меня не сбежать.

И вокруг шеи сомкнулись жёсткие пальцы, слегка надавив на сонную артерию, но потом отпустили меня. Колдун предстал перед моим взором с наглой ухмылкой на лице. Он провёл большим пальцем по моим губам, потом вниз по обнажённой шее.

— Вы забыли, что только я могу вернуть вас домой? Куда вы бежите? Ночью в холод? Собрались под мостом ночевать? Ведь у вас ни денег, ни документов нет, — его слова били по самому больному. Знает, гад, что мне не выжить без помощи. — Хотите сгинуть?

Вдруг он схватил меня за плечи, и его горячие губы прижались к моему рту, которым я даже пошевелить не могла. Кожу покалывало от его нежных прикосновений, мягкий вязкий поцелуй обволакивал, дурманя голову. Я даже потерялась в пространстве и времени, ощущая странное оцепенение.

— Вот и всё, — мужчина отпустил меня, на его губах играла самодовольная улыбка. — Теперь вы не никому расскажете о нас и о том, что мы задумали, в том числе кто вы сами и откуда.

«Что?!» — вопило моё сознание, но я по-прежнему не могла пошевелиться.

— Я наложил на вас чары, Ольга Владимировна. И пока вы не вернётесь в своё время, они не позволят вам наболтать лишнего. Возвращайтесь в гостиную. Вечер ещё не окончен, — Пётр слегка коснулся указательным пальцем моих губ и,

развернувшись, проследовал в комнату.

Телу так же неожиданно вернулась подвижность, кулаки сами собой сжались. Ах так, значит, да? Вы ещё пожалеете, господин колдун, что выдернули меня из двадцать первого века! Я пока буду покорна, но не собираюсь быть вашей послушной марионеткой.

Гордо подняла подбородок, выпрямила спину и вернулась в гостиную.

Глава 8. Обустройство

Утром в храме собралось много народу. Пётр стоял рядом, самоотверженно крестясь перед образами, чему я была удивлена. Не думала, что колдун вообще может входить в храм божий. Я изредка осеняла себя крестом, разглядывая присутствующих из-под капюшона. Запах ладана, казалось, пропитал уже мою одежду. Хористы протяжно пели псалмы. Под их голоса Пётр шептал мне на ухо, указывая на некоторых аристократов, которых должна знать Ольга Алединская. Правда, не уверена, что я всех запомнила.

Он вдруг потянул меня за руку, пробираясь ближе к аналою. Мы остановились по левую сторону, мой спутник наклонился к самому уху и прошептал мне:

— Посмотрите направо. Высокий мужчина в офицерской форме, рядом с ним жена и дочь, с золотистыми локонами, в зелёной шляпке.

Я покосилась в сторону и увидела семью, на которую указал колдун, — мужчина, военный лет пятидесяти, женщина, намного его моложе, и девушка, да так и обомлела. Она же вылитая я!

— Хватит разглядывать, — Пётр слегка толкнул меня в бок, и я отвела глаза, пряча лицо под капюшоном. — Это и есть Ольга Алединская, её отец и мачеха. Взгляните ещё раз на них, запомните, и на этом закончим.

Я украдкой снова взглянула на офицера и его жену, запоминая их. Пётр развернул меня и вывел из храма на улицу. Я вдохнула полной грудью свежий воздух, приходя в себя. За оградой нас ждала карета, и мы поспешили к ней. Уже внутри салона я смогла расслабиться и скинула капюшон с головы.

— Она действительно вылитая я! — горячо выпалила, смотря на своего спутника. Карета тронулась в путь.

— А я о чем вам говорил? — ухмыльнулся мужчина.

— Что вы с ней сделаете, когда похитите? — судьба этой девушки меня волновала, ведь не бывает такого совпадения. Вдруг она мой дальний предок.

— Убивать мы её точно не будем, не волнуйтесь, — невозможно отвечал колдун. — Посидит дальней деревушке под присмотром. Потом, когда вы выполните свою миссию, я сотру её память и верну в отчий дом незаметно целую и невредимую.

— Обещайте, что Ольга не пострадает, — строго посмотрела я на мужчину.

— Обещаю, сердобольная вы моя, — усмехнулся он. — Лучше за себя переживайте. Скоро приедем в особняк к нашим друзьям. Там у вас будет отдельная комната, вам выделят горничную. После обеда займёмся вашим обучением.

Я ничего не ответила и отвернулась к окну, наблюдая, как экипаж движется по улицам Питера.

Где-то через час тряски я замёрзла и зябко куталась в ме-

ховой плащ, а ноги поджала, чтобы хоть как-то согреть их.

— Озябли? — Пётр заметил моё состояние. — Скоро приедем, но могу обогреть вас.

Он вдруг пересел на сиденье рядом со мной и обхватил меня за плечи одной рукой, второй взялся за мою ладонь в перчатке. Приятная волна тепла прокатилась по телу, ментально согревая. Я удивлённо взглянула на колдуна.

— Так лучше? — он тихонько сжал мои пальцы.

— Определённо, — мне хотелось вырваться, но снова мёрзнуть не было желания, поэтому я уставилась в окно и притихла.

Хорошо, что наш путь быстро подошёл к концу. Карета промчалась через ворота, которые, видимо, специально открыли, ожидая гостей. Пётр отстранился от меня, убрав руку с плеч, и сразу стало холодно без его объятий. Я невольно закусила губу, осознавая, что его близость не вызывала во мне отторжения, а даже наоборот, показалась приятной.

Экипаж остановился, Пётр помог мне выбраться. Перед нами возвышался двухэтажный белый особняк с колоннами и высоким портиком. Двери распахнулись, являя нам хозяйина. Мужчина лет пятидесяти в круглых очках склонил голову и улыбнулся.

— Рад видеть дорогих гостей, — и он протянул мне руку, ожидая, когда я подам свою ладонь. — Позвольте представиться, сударыня: барон Штейнгель Владимир Иванович.

— Ольга Владимировна, — я всё же подала руку, и муж-

чина чуть коснулся губами моей перчатки.

— Милости прошу в мой дом. Скоро обед. Вы голодны, сударыня? — мужчина жестом пригласил нас войти.

— Если честно, очень, — призналась я, так как завтрак был на скорую руку, а дорога утомила меня.

Хозяин лично проводил нас на второй этаж, показал мне и Петру комнаты, которые оказались рядом. Слуга принёс мой скромный дорожный саквояж, оставив его в комнате.

— Располагайтесь, будьте как дома. Позову Глашу, пусть поможет вам переодеться, Ольга Владимировна. Через полчаса обед в столовой. Пётр Григорьевич, проводишь барышню к столу, — барон откланялся и чинно пошёл по коридору.

— Вот и отлично, всё лучше квартиры Рылеева, — огляделся колдун.

— Помыться бы, — с надеждой посмотрела я на мужчину.

— Это можно устроить. Горничная придёт, прикажите ей согреть воду для вас, а пока готовьтесь к трапезе. Мне тоже нужно привести себя в порядок. Я за вами зайду через полчаса, — с этими словами Пётр скрылся за дверями своей спальни.

Я тоже вошла в свои новые покои и была приятно удивлена. Просторная комната, две печки с изразцами основательно нагрели помещение. В алькове стояла широкая кровать, над аркой висели плотные голубые шторы, подхваченные витыми шнурами с кистями. Также тут имелись небольшая уютная гардеробная и уборная, где можно было умыться.

ся и принять ванну. Посередине помещения стояла овальная лохань, в которую я с лёгкостью помещусь сидя. Отлично, хоть помоюсь. Мне человеку, который каждый день принимал душ, очень тяжело давалось отсутствие привычных средств гигиены. Придётся привыкать к тому, что есть.

Обед прошёл спокойно, нас было всего трое, не считая слуг. Пётр во время трапезы и непринуждённой беседы мягко мне указывал на мои недочёты, но всё же в конце похвалил: осанку я держу, и у меня отлично получается быть графиней, а не простолюдинкой. За осанку я ещё в детстве от бабушки получала нагоняй, так что у меня это вошло в привычку давно. Помню, однокурсники надо мной иногда потешались и говорили, что я перепутала училище и мне нужно было поступать в балетное.

Когда закончился обед, Пётр увёл меня в библиотеку, где обучал меня нормам поведения в различных ситуациях. Порылся на стеллаже и протянул мне книгу. «Наставление девицам». Открыв её, я прочитала первую страницу и удручённо вздохнула.

— Что такое? — нахмурился колдун, увидев мою реакцию.

— Буквы, — ткнула я в слово, — в моём времени всего тридцать три буквы в алфавите. И очень тяжело читать, когда везде стоит вот эта буква, которая читается как «е», и в конце слов частит твёрдый знак.

— Интересно, — хмыкнул Пётр, — значит, буквы «ять»

нет в вашем времени. Какие ещё отличия?

Я указала на палочку с точкой, один в один английская буква «i», и круглую букву «o», внутри которой была какая-то закорючка.

— Понятно, значит, вас ещё и письму придётся обучать, — мужчина закатил глаза. — Хорошо, что читать можете. Смысл слов доходит?

— В основном да, — я неопределенно пожала плечами.

— Уже лучше. Ладно, отдохните немного. Пойдёмте в бальный зал, будем упражняться в полонезе, — Пётр протянул мне руку и повёл из библиотеки.

В просторном зале с большими окнами, смотрящими на запад, было ещё достаточно светло. Солнце клонилось к горизонту, освещая расписные стены яркими лучами. В углу стоял белый рояль.

— Полонез открывает был, — мужчина вытянул руку вперёд и положил мою ладонь на свою. — Помните, что вы должны быть в перчатках. Ни в коем случае нельзя их снимать на протяжении бала.

— Вот как, — удивлённо приподняла я брови. — Мы будем без музыки танцевать?

— Придётся. Ничего особенного, танец простой, похожий на торжественное шествие, чем, в принципе, и является. Все присутствующие гости обязаны его танцевать, — улыбнулся колдун. — Правую руку чуть отведите в сторону на уровне талии.

Я приподняла руку.

— Пальцы вместе. Теперь шаг танца. Смотрим друг на друга. Глаза в глаза.

Мы одновременно повернули головы, встретившись взглядами. Какие всё же у Петра красивые зелёные глаза, точно колдовские.

Он объяснил мне шаг полонеза, который оказался несложным, показал базовые фигуры, такие как повороты, поклоны и смена позиций, объяснил рисунок танца. Чуть больше часа у нас шло на тренировку. Прикасались друг к другу мы только руками и держались на расстоянии, никаких объятий — и это радовало.

— Замечательно, у вас хорошо получается, — похвалил меня учитель и партнёр в одном лице.

— Это несложно, мне понравилось. Жаль, что без музыки. Всегда испытывала интерес к танцам, даже занималась ими в детстве, пока было время, — я была довольна своими первыми успехами. — Какие ещё танцы предстоит мне выучить?

— Вальс, мазурку, кадрили и котильон.

— Вальс? Люблю этот танец, но боюсь, не справлюсь, — сникла я.

— Не переживайте, будем уделять ему больше времени. Мазурку и котильон советую не танцевать, — Пётр строго посмотрел на меня.

— Почему?

— Их танцуют с хорошо знакомыми мужчинами, которые вхожи в дом дамы. К тому же после мазурки подают ужин, а значит, партнёр провожает даму за стол, и они рядом трапезничают и общаются, — назидательным тоном пояснил мужчина.

— Понятно. Надеюсь, на сегодня мы закончили обучение, — мне не терпелось пойти отдохнуть. К тому же в зале стало уже довольно сумрачно.

— Конечно, мы закончили. Не забудьте взять книгу, что я вам дал, упражняйтесь в чтении. И скоро будет ужин.

— Хорошо. Кажется, я оставила книгу в библиотеке, — я поспешила выйти из зала и освободиться уже от пристального взгляда зелёных глаз колдуна. Наверное, он как-то воздействует на меня своей магией.

Мне бы ненавидеть его за то, что он меня вытащил из привычного мира, поставил свою метку и заставляет вживаться в роль графини Алединской, но я испытываю злость на саму ситуацию и странный интерес к личности Петра и ко всему, что происходит. Оказаться в царской России и увидеть своими глазами императора, его братьев, прочувствовать эпоху на своей шкуре, узнать, как жили люди тогда, их нравы и законы. О чём думали, мечтали? Любопытство во мне кипело сильнее, чем негодование.

Ужин прошёл так же неспешно и за беседами. Барон оказался радушным хозяином. В конце трапезы извинился, сообщив, что уезжает завтра в Петербург к семье на несколь-

ко дней. Оказывается, зиму они предпочитали проводить в столице, в загородном доме жили только в летом. Ведь самые интересные балы и приёмы проходили как раз в холодное время года.

После трапезы в комнате меня ждали горничная и лохань с горячей водой. Глаша помогла мне раздеться, и я залезла в деревянную ёмкость. Это, конечно, не ванна — не лежишь и не расслабишься как следует, но всё же горячая вода сделала своё дело, и я с наслаждением помылась. Горничная порывалась меня намылить мочалкой, но я категорически отказалась, позволив ей только потереть мне спину.

Хорошо, что мыло уже в это время существовало, хоть и не такое ароматное, но со своей задачей справилось отлично. Потом Глаша поливала меня чистой водой из кувшина. Очень не хватало бальзама для волос, однако горничная удивила меня, в конце водной процедуры обдав мою шевелюру отваром ромашки. После него волосы стали мягче.

Горничная накинула на меня широкую простынь, потом уже в комнате указала на приготовленную на кровати ночную сорочку: рюши и кружевная отделка, длинные рукава, ворот с завязками под самое горло — как бы не запутаться в этом балахоне. Хотя зимой в ней будет тепло, особенно по утрам.

В печках трещали дрова, распространяя жар по комнате. Я лежала на кровати и пыталась читать при свете свечи. Глаза быстро устали всматриваться в буквы, да ещё освещение

оставляло желать лучшего. Я бросила это занятие и отдалась во власть сна, который быстро меня сморил.

Разбудил меня грохот выстрела. Я подскочила на кровати, изумлённо оглядываясь. За окном почти растаяли утренние сумерки. Что это было? Сердце бешено билось в груди. Не могло же мне такое присниться.

Очередной выстрел нарушил утреннюю тишину. Это на улице!

Глава 9. Стрелок

Я подскочила с кровати и кинулась к окну. В саду среди серых стволов деревьев виднелась чёрная фигура. Трудно было разглядеть кто это, но мужчина стоял спокойно, вытянув руку вперёд. Бах! Снова раздался выстрел. Похоже, он стрелял в мишень, которая была прикреплена к дереву.

— Какому идиоту взбрело в голову с утра тренироваться в стрельбе? — прошипела я, понимая, что кроме Петра Григорьевич некому. Не слуги же будут пользоваться хозяйскими пистолетами.

Горничная, видимо, была занята своими делами, и я спешно оделась самостоятельно. Правда, пришлось корсет оставить на кровати, с утра можно без него обходиться.

Кутаясь в меховой плащ, я выскочила в сад, торопясь к тому месту, где колдун устроил стрельбище. Он, конечно, заметил меня ещё издалека, но только взглянул в мою сторону и снова вытянул руку, целясь в мишень. Бах! На этот раз выстрел показался уже более оглушительным.

— Какого чёрта вы тут устроили с утра пораньше? — тут же вспыхнула я. — Честным людям спать не даёте!

— Ого, честные барышни так не выражаются, — ухмыльнулся мужчина, повернувшись ко мне, держа оружие дулом вниз. — Местные дворянки, конечно, любят спать до полудня, но у нас с вами нет столько времени.

— Другого способа разбудить меня не нашлось? — продолжала я злиться и сложила руки на груди в защитной позе.

— Простите, если напугал вас. Не спалось, вот и решил поупражняться. Иногда ненависть и гнев овладевают мной, лишая покоя. Мне требуется выместить всё это, дабы дров не наломать, — мужчина спокойно рассуждал, хотя в его взгляде чувствовалось напряжение. Видимо, ещё не все эмоции погасил стрельбой. Рядом с ним на раскладном столике стояла коробка с пулями, лежал ещё один пистолет и какие-то непонятные аксессуары. Пётр начал ловко заряжать пистолет.

— И кого же вы так ненавидите? — наблюдала я за его профессиональными действиями. Не удивлюсь, если раньше он служил в армии.

— Царя и его приспешников, — злобно процедил мужчина, вгоняя шомпол в ствол пистолета с помощью небольшого молоточка. — Я хочу, чтобы в России было равноправие и справедливое законодательство, чтобы царствовала Конституция, а не император.

— Конституция это только книжка с главами и статьями. Главное то, в чьих руках она окажется и насколько честно будут соблюдаться законы, — решила я разговорить колдуна. Пусть поделится планами, чтобы знать, к чему мне готовиться в роли фрейлины.

— Не волнуйтесь, мы позаботимся о том, чтобы Конституция оказалась в надёжных руках, — Пётр принялся заря-

жать второй пистолет.

— В ваших? Или Рылеева? Может быть, Оболенского или Трубецкого? — перечисляла я уже известные мне фамилии. — Где гарантия, что человек, получивший власть в свои руки, не станет очередным ненавистным императором или диктатором? Как сказал один историк, чьего имени я не помню, власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно.

— Вы правы, Ольга Владимировна. Человек, который находится долго у власти, порой становится одержим своей избранностью и теряет связь с реальностью, как например, это случилось с императором Нероном, — рассуждал мужчина, закончив с оружием. — В нашей же России такого не произойдёт. Власть будет сменной, никто не успеет отравиться ядом избранности. Тем более главным в стране станет парламент.

Он повернулся к мишени и вытянул руку с пистолетом, прицеливаясь. Я только успела закрыть уши руками, как раздался выстрел. На круглой самодельной мишени, прибитой к дереву, появилась ещё одна дырка. Оказывается, Пётр меткий стрелок.

— Вы служили в армии? — решила я сменить тему.

— Да. Я ушёл в отставку в звании поручика.

— Почему?

— Карьера военного мне не светила. Я не вылезал из штрафов, которые мне выносил по своему высочайшему по-

велению Великий князь Константин Павлович, — мужчина горько усмехнулся.

— Наверное, было за что. Вы поэтому так ненавидите императорскую семью? — ляпнула я и прикусила язык.

Он взял второй пистолет и навёл его прямо на меня. Сердце ухнуло вниз, и я замерла на месте.

Пётр

"Канарейка Великого князя"

Ольга Росса

— Если не готовы выстрелить, не смейте на меня оружие поднимать, — процедила я. В висках тяжело бился пульс, сердце пташкой трепыхалось в груди.

— А вы смелая, Ольга Владимировна, — хмыкнул колдун и отвернулся от меня, прицеливаясь. Бах! И новая дырка образовалась в мишени. — Но не стоит играть с огнём, барышня. Можно обжечься и пострадать.

— Пока я вам нужна, значит, мне ничто не угрожает, — гордо вскинула я подбородок и зашагала к дому.

— Вот именно — пока нужна, — хохотнул мужчина и пробормотал себе под нос, но я всё же услышала: — Вот же задор-баба, даже пистолета не испугалась.

Завтракали мы вдвоём. Сидели и молчали, не пытаясь даже вести беседу. Хозяина особняка не было за столом, он на рассвете умчался в Петербург. После трапезы мы засели в библиотеке, и Пётр обучал меня орфографии русского языка его времени. На самом деле, правила были несложные и вполне понятные. Думаю, справлюсь, если придётся писать письмо или записку. Мужчина заодно и письменному этикету меня обучил, его основным правилам.

Когда у меня уже копчик занял от долго сидения на стуле, Пётр заметил моё ёрзание и предложил размяться в бальном зале.

Повторили полонез пару раз. Затем мужчина решил обучить меня вальсу. Скрепя сердце пришлось слушать его

разъяснения и танцевать уже в более близкой позиции, чем в полонезе. Через час совместных усилий я всё же смогла станцевать простые фигуры и шаги вальса. Держа руку на мужском плече и чувствуя горячую ладонь Петра на своей талии, я невольно смущалась первое время. Всё же расстояние между нами сократилось значительно.

Но когда у меня начало получаться, я вошла во вкус и с удовольствием танцевала под громкий счёт Петра — на рояле играть было некому. Он показал свои способности в качестве педагога и партнёра, умело кружил меня, не давая сбиться с шага. Иногда я чувствовала себя такой маленькой и ведомой в его руках, что порой становилось страшно от собственного ощущения безопасности и доверия к этому мужчине. Мысленно я надавала себе подзатыльников, чтобы не расслаблялась и была начеку.

— Прекрасно, Ольга Владимировна, — похвалил меня колдун, когда мы закончили танец, однако не спешил убирать руку с моей талии, продолжая удерживать возле себя. — Вы способная ученица. Уверен, у вас получится заменить Алединскую.

— Смею признаться, учитель вы хороший, — выдавила я улыбку, хотя говорила правду, но вот волнующая меня близость сбивала с толку.

— Благодарю. Предлагаю вам немного размять свои пальчики и потренировать голос, — он взял мою ладонь, преподнёс к губам, и оставил нежный поцелуй на моих пальцах,

отчего мурашки в панике бросились по спине вниз.

— Хорошо, — я вырвала ладонь из его цепкого захвата и поспешила к роялю. Сейчас действительно не помешает музицирование, которое всегда помогало мне собраться с мыслями.

Сначала я дала волю своим чувствам и окунулась в Бетховена, исполнив сонату номер семнадцать, которую называют ещё «Буря». Пётр стоял рядом и молча слушал мою игру, но я не обращала на него внимания, нажимая на клавиши. Когда музыка утихла вместе с моими эмоциями, я подняла взгляд на мужчину.

— Прекрасно. Я восхищён, Ольга Владимировна, — в его голосе звучала искренность. — Уверен, великой княгине понравится ваш талант не меньше, чем мне. А поёте вы столь же прекрасно, как музицируете?

— Не знаю, — я пожала плечами. — Спеть романс?

— Пожалуй.

— Что сейчас поют в лучших домах Петербурга? — я иронично изогнула бровь, смотря на мужчину.

— Честно говоря, не ведаю, — нахмурился Пётр. — Меня нечасто приглашают в лучшие дома столицы.

— Понятно. Пожалуй, спою романс «Не искушай меня без нужды», он как раз где-то в это время стал популярным, — вспомнила я свой репертуар из тех времён, когда была студенткой. — Только не судите строго, я без распевки.

Пальцы коснулись клавиш, полилась лирическая музыка,

заполняя пространство зала. Я набрала воздуха в лёгкие и запела один из моих любимых романсов.

— Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей,
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней.

Уж я не верю увереньям,
Уж я не верую в любовь
И не могу предаться вновь,
Раз изменившим сновиденьям.

Немой тоски моей не множь,
Не заводи о прежнем слова,
И, друг заботливый, больного
В его дремоте не тревожь.

Я сплю, мне сладко усыпление,
Забудь бывалые мечты.
В душе моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты.
В душе моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты³.

³ Романс «Не искушай» (1821 г.), стихи Евгений Баратынский, музыка Михаил Глинка.

Когда тишина окутала пространство, я долго не могла поднять взгляд.

— Вам не понравилось? — и всё же я посмотрела на Петра.

— Понравилось. Вы чудесно поёте, Ольга, — бесцветным голосом произнёс мужчина, на его каменном лице не мелькнуло ни одной эмоции. — Вот только вы сами ещё никогда не любили и не разочаровывались в ком-то — это чувствуется в вашем голосе.

— А вы сами любили хоть кого-то? — меня почему-то задели его слова, хотя он был прав. Мужчина не торопился с ответом, пристально смотря на меня. — По глазам вижу, что да. Это была безответная любовь или взаимная?

— Думаю, ваш вопрос неуместен, — нахмурился Пётр. — Пора передохнуть и отобедать.

Колдун развернулся и поспешил выйти из зала, оставив меня одну. Кажется, я сегодня обнаружила ещё одну больную ещё одно уязвимое место Петра Григорьевича — несчастная любовь.

Глава 10. Общение

Каждое утро начиналось со звука выстрелов. И ведь надо же было колдуну тренироваться в стрельбе именно с рассветом. На четвёртый день я уже не боялась и не удивлялась, просто закрывала уши подушкой, злясь на Петра.

Дни проходили насыщенно: уроки этикета, орографии, танцы — я впитывала всё как губка. Разучивала романсы, которые было модно петь на приёмах и званых вечерах. Иногда Пётр просил меня сыграть на рояле что-нибудь из музыки нашего мира и даже спеть. Я не отказывала себе в удовольствии удивить мужчину необычными для его времени песнями. Пришлось даже объяснять, что такое «мобильник» и «клёвый».

День, когда я заменяю юную графиню, приближался и страшил меня. Я потеряла сон. Часами сидела у окна в темноте, смотря на чёрное небо, которое в последние дни заволочло тучами. Никогда не была религиозной, хотя крестили меня ещё в детстве, но перед сном я стала молиться богу и высшим силам, чтобы они помогли мне вернуться домой. Мне становилось легче, и я ложилась спать.

В субботу утро началось, как всегда, с выстрелов в саду. Укутавшись в шаль, я села на подоконник и стала наблюдать за тем, как Пётр заряжает пистолеты и стреляет по мишеням. Интересно, кого он так сильно любил, что разочарова-

ние толкнуло его вступить в тайное общество? Не верю, что дело только в душевных порывах сделать мир более свободным и справедливым. Как там говорят французы? *Cherchez la femme* — ищите женщину.

Когда колдун закончил стрельбу и направился к дому, в комнату вошла горничная, чтобы помочь мне привести себя в порядок и одеться. В столовой меня уже ждал Пётр, одетый с иголки. Хозяин усадьбы должен был прибыть сегодня, и мой соглядатай с нетерпением ожидал его приезда после полудня.

— Плохо спите, Ольга Владимировна? — Пётр внимательно посмотрел на меня. — У вас тени залегли под глазами.

— Уснёшь тут, — пробубнила я, садясь на стул.

— Волнуетесь, — мужчина поджал губы. — Зря. Я верю в успех нашего мероприятия. Советую не изводить себя мыслями о будущем.

— Легко раздавать советы, — я скривила губы. — В отличие от вас, будущее мне как раз известно. И лично для вас ничем хорошим это не закончится.

— На всё воля божья. Именно он и послал вас, чтобы предупредить нас.

— Очень странно слышать из ваших уст слово «бог», Пётр Григорьевич, — язвительно намекнула я на его дар колдуна.

— Я такой же крещёный, как вы, и верующий грешник, — хмыкнул мужчина. — Только меня одарили Высшие силы.

— Или сам дьявол.

— Скорее, оба. Я могу как излечить, так и навести порчу.

— И много колдунов живёт тут? — я принялась за еду.

— Нет. Ведуньи и колдуны редкость, с каждым столетием одарённых становится всё меньше и меньше, — спокойно объяснял Пётр, так и не притронувшись к пище.

— Почему?

— Наш удел одиночество, нас боятся, церковь вдобавок преследует, — горькая усмешка проскользнула на его губах.

— Редко кто хочет связать судьбу с колдуном.

— Ваша возлюбленная отказалась выходить за вас? — ляпнула я догадку, которая молнией пронеслась в голове.

— Нет. Софья согласилась выйти за меня, — Пётр нахмурил брови, — но её отец не дал своего благословения и запретил нам видеться.

— Мне жаль, — искренне произнесла я.

— Он считал, что я недостаточно хорош для юной девы.

Всё кончено: меж нами связи нет.

В последний раз обняв твои колени,

Произносил я горестные пени.

Всё кончено — я слышу твой ответ.

Обманывать себя не стану вновь,

Тебя тоской преследовать не буду,

Прошедшее, быть может, позабуду —

Не для меня сотворена любовь.

Ты молода: душа твоя прекрасна,

И многими любима будешь ты.

Пётр в очередной раз удивил меня, прочитав короткое стихотворение. В его голосе сквозили горечь и тоска.

— Вот уж не думала, что вы ещё и поэт, — изогнула я бровь.

— Это не мой стих. Его сочинил мой знакомый, молодой талантливый поэт, Пушкин Александр Сергеевич.

— Пушкин?! — выпучила я глаза. — Вы знакомы с самим Пушкиным?

— Вижу, вы его читали? — улыбнулся Пётр.

— Кто же Пушкина не знает? Пушкин — наше всё.

Я вас любил. Любовь ещё, быть может,

В моей душе угасла не совсем.

Но пусть она вас больше не тревожит.

Я не хочу печалить вас ничем...

Прочитировала я первые строки знаменитого стихотворения.

— Что-то я не припомню у него подобного, — колдун изогнул бровь.

— Значит, напишет ещё, — улыбнулась я. — «Капитанскую дочку» и «Евгения Онегина» тоже.

— Отрадно слышать, что он закончит «Онегина».

— Жаль только, умрёт Пушкин рано, — вздохнула я. — Сколько он мог бы ещё написать, если бы не эта дурацкая дуэль.

— Значит, всё же дуэль, — Пётр сдвинул брови. — Неуди-

вительно — с его-то горячей натурой... но действительно будет жаль потерять такой талант.

Наша беседа перетекла в литературную область. Всё же Пётр был хорошо образован и начитан. Я даже не заметила, как закончился завтрак и мы перешли в библиотеку, где продолжили разговор. И только когда наговорились вдоволь, принялись за этикет.

— Ольга Владимировна, только не забывайте, что Великий князь далёк от литературы и искусства, — напомнил мне мужчина. — Не стоит с ним долго вести подобные беседы. Он быстро заскучает.

— Помню, армия — его единственная любовь, — напряглась я. А ведь так хорошо общались, что даже забыла про то, что являюсь практически заложницей колдуна.

Вдруг распахнулась дверь, и на пороге библиотеки появился хозяин дома, одетый в пальто и шляпу, на его плечах белели погоны из мокрого снега.

— Доброго дня! — он улыбнулся и окинул нас зорким взглядом, снимая цилиндр. — Как вы тут без меня? Справляетесь, Пётр Григорьевич?

— Прекрасно, Владимир Иванович, — выпрямился колдун и подошёл к барону. — Есть хорошие вести для нас?

— Есть! Вот, спешу как раз их сообщить.

Я поджала губы, не ожидая ничего хорошего от заговорщиков.

— Я добыл для тебя и для Рылеева приглашение на зва-

ный вечер к Великой княгине, — улыбнулся барон. — И мы с Кондратием разработали новый план замены.

— Чем старый план его не удовлетворил? — нахмурился Пётр.

— Прошу, выслушайте меня. Кондратий велел вам всё рассказать, — он снял пальто и небрежно бросил его на диван. Затем подошёл к письменному столу и сел на стул. — Присаживайся, Пётр Григорьевич.

Я уже сидела рядом, поэтому мне оставалось только подождать, когда колдун займёт своё место.

— Вы приедете вместе с Ольгой в Михайловский дворец, но немного опоздаете, надо, чтобы Алединские уже были там, — барон говорил твёрдо и размеренно, давая нам возможность уловить суть плана. — Я вас встречу и сразу уведу вашу протеже в другие комнаты. Во дворце есть наши люди, они помогут спрятать её. Ваша задача появиться на вечере и выманить Ольгу Александровну из зала. Вот тут мои люди отведут её куда следует, и мы поменяем девушек.

— Уверены, что сработает? — нахмурился колдун.

— Не сомневайтесь. К тому же с вашими способностями, Каховский, вам не составит труда выманить Алединскую и затуманить ей разум, чтобы не наделала шума. Согласитесь, так гораздо удобнее и безопаснее. Дворец большой, есть где спрятать девушек — им же придётся меняться платьями. Я вас уверяю, никто не заметит подмены.

— Допустим, у нас получится поменять девиц. Как мы вы-

везем оттуда самую Алединскую? — Пётр искал подводные камни.

— Заберёте её с собой и привезёте в карете сюда в усадьбу. Девушку закроем в одной из комнат. Ваше сонное зелье уже готово. Отдохнёт тут, выпится на всю жизнь вперёд, — хохотнул мужчина, а потом перевёл серьёзный взгляд на меня. — Если хотите освободиться от оков Петра Григорьевича и вызволить графиню, Ольга Владимировна, советую не отклоняться от плана и выполнить его в точности.

— Ясно, — процедила я.

— Вот и замечательно! — барон удовлетворённо потёр руки. — Я распорядился затопить баню и приготовить вкусный ужин. Помойтесь, попарьтесь хорошенько, отдохните от трудов праведных. Завтра вечером выезжаем в Петербург. А теперь хотелось бы отобедать. Проголодался я в пути изрядно.

Обед проходил под рассказ о новостях, которые барон успел узнать, пребывая в столице. Собеседник Владимир Иванович был отличный, и я с интересом слушала его комментарии по тем или иным событиям.

— Барон, вот вы умный человек, порядочный семьянин. Почему вы примкнули к тайному обществу? — обратилась я к хозяину дома.

— Хороший вопрос, Ольга Владимировна, — мужчина промокнул губы салфеткой. — Два года назад я подавал царю записку о запрете продавать крепостных без земли. Если

пока отменить крепостничество невозможно, то хотя бы свести на нет позорную торговлю людьми. Мы живём в девятнадцатом веке, когда гуманизм царит в прогрессивном обществе, я считаю рабство недопустимым, как и крепостное право.

— Торговля людьми это ужасно, — согласилась я. — И что же царь ответил на ваш проект?

— Он отклонил его, — барон скривил губы. — Сказал, что дворянство не примет такую реформу. Есть указ о «Вольных хлебопашцах», только им практически никто не пользуется. Откуда у бедного крестьянина деньги на выкуп земли?

— Барон, поведайте Ольге о других своих проектах, — Пётр решил поддержать разговор. — Например, о развитии торговли, о том, как предлагали уравнивать всех горожан в правах и податях, уменьшить налоги и банковские проценты. Как требовали активного вмешательства государства и ослабления контроля со стороны иностранцев в торговых сделках.

Я с уважением посмотрела на барона. Его идеи мне казались хорошими.

— Ни один проект не был принят, — злость прозвучала в голосе колдуна. — И заметьте, Ольга, у Владимира Ивановича нет крепостных. Он зарабатывает на жизнь своим умом, а не за счёт рабского труда.

— А как же слуги? — изумлённо посмотрела я на муж-

чину.

— Они все работают за жалованье, — спокойно ответил барон. — Можете спросить свою горничную. Она подтвердит.

— Я вам верю, — сомневаться у меня не было причин. — И мне жаль, что ваши проекты не были приняты.

— Ничего. Придёт и наше время, — улыбнулся мужчина. — И вы нам в этом поможете.

Я ничего ответила на эту фразу, барон ведь действительно свято верит в то, что он и его товарищи создают всеобщее благо для страны и людей. Моих доводов он, конечно, слушать не станет.

После обеда я решила прогуляться по саду в тишине и покое. Когда мне ещё выпадет такой шанс? Завтра моя жизнь сделает новый виток, и я даже не знаю, чем всё это закончится и куда приведёт меня. Окажусь на плахе или вернусь домой?

Я шла по вымощенной камнем дорожке, мокрый снег прилипал к ботинкам. Промозглый ветер дул в спину. Серые тучи нависли над поместьем, грозясь снова завалить сад снегом.

— Ольга, можно я составлю вам компанию? — раздался за спиной знакомый голос.

— Думаете, сбегу? — хмыкнула я, даже не обернувшись и продолжила идти.

— Конечно нет, — и Пётр схватил меня за руку. Я оста-

новилась и повернулась к нему лицом. — Вы от меня никуда не денетесь.

Он вдруг поднял мою ладонь и коснулся губами перчатки. Даже через ткань я ощутила тепло его поцелуя.

— Не думайте, что я бессердечный, — голос его стал хриплым. — Я буду переживать за вас. И постараюсь видеться с вами как можно чаще во дворце, если получится. Рылеев или барон Штейнгель временами будут появляться, чтобы узнавать, как идут дела.

— Вы переживаете не за меня, а за ваше, скажем так, предприятие, — его тон мне нравился, и странное чувство грусти вдруг защемило в сердце. Дожила — стокгольмский синдром налицо. — Бойтесь, что княгиня не выберет меня фрейлиной?

— За это я как раз не переживаю, — Пётр отпустил мою руку. — Простите, я не должен был этого говорить, но вы мне нравитесь, Ольга. Вы необыкновенная девушка, умная, талантливая и красивая. И я очарован вашим голосом.

Я стояла и смотрела на мужчину, не понимая, правду он говорит или...

— Нравлюсь? Так отпустите меня и отправьте домой, — я поджала губы.

— Вы же знаете, я не могу сделать это сейчас. Я дал клятву своим товарищам из общества и не могу подвести их.

— Тогда молчите и не говорите мне больше о том, что я вам нравлюсь, — процедила я и, развернувшись, быстро

зашагала к дому. Вот и подышала свежим воздухом...

Глава 11. Касания бабочки

Ближе к вечеру Глаша сообщила, что баня готова. Господа уже помылись, и настал мой черёд. Выросшая в городе, я редко бывала в бане, но если выпадал случай, то не отказывалась, тем более сейчас не стану. Плескаться в лохани мне жутко надоело.

Заодно я спросила у горничной, правда ли, что она работает за жалованье. Девушка подтвердила это, гордо заявив, что она не крепостная, а мещанка. Хвалила барона за доброту и проявление справедливости по отношению к простым людям. Повела немного о Владимире Ивановиче: рассказала, что он добропорядочный семьянин, любит свою жену, воспитывает восьмерых детей. Младший сын вот только в июле родился. М-да, а в моём времени восемь детей в семье это редкость.

Я надела халат, сверху накинула тёплый плащ и отправилась в баню, которая находилась на заднем дворе. Глаша проводила меня. Внутри предбанника было холодно, темно, пахло сухими берёзовыми вениками, которые висели в углу под потолком. Я быстро скинула одежду и юркнула в открытую баню, успев склонить голову, чтобы не разбить лоб о низкую притолоку.

Горничную я отправила домой — хотелось уже нормально помыться самостоятельно без чужой помощи. На окне стоя-

ли две свечи, еле освещая парилку. Главное, видно всё. Вокруг головы я обмотала небольшое полотенце.

Поддала пару, плеснув кипятка на каменку и взобралась на пол~~ок~~ погреть косточки. Тело быстро покрылось каплями пота. Я дышала короткими урывками — горячий пар обжигал ноздри. Пришлось лечь, чтобы голова опустилась ниже и жар не жёг так сильно. Через минуту совсем стало хорошо, пар разошёлся по бане. В ушате лежал распаренный веник. Сев на полке, я принялась хлестать себя по бокам, млея от приятного аромата берёзовых листьев, которые норовили прилипнуть к коже. Как же хорошо-то! Ух! Окатила себя водой и принялась за мытьё.

Когда я уже почти закончила, осталось только волосы прополоскать в отваре ромашки, ощутила спиной чей-то прожигающий взгляд. Мурашки прокатились по телу, несмотря на то, что в бане стояла жара. Я замерла, выпрямившись, но почему-то не смела обернуться и посмотреть, кто за мной подглядывает.

Вдруг по спине прошла приятная волна прохлады, остужая кожу, словно лёгкий ветерок ворвался внутрь, хотя дверь в баню никто не открывал. Дуновение уплотнилось, и я почувствовала едва осязаемое касание пальцев. Они словно играли на пианино, дотрагиваясь по очереди моих лопаток, спускаясь ниже.

Я схожу с ума? Рядом никого нет. Кто может касаться меня? Наваждение или у меня галлюцинации?

Однако ощущение, что меня разглядывают, усилилось. Обернусь и увижу наконец невидимого гостя. Но я стояла как вкопанная, млея от еле уловимых приятных касаний, которые переместились на мою талию и вот-вот скользнут на ягодицы. В висках бешено бился пульс, сердце бухало в груди, голова шла кругом. Стало тяжело дышать, и я открыла рот, жадно глотая горячий воздух. Пальцы неожиданно пропали, словно и не было их, и я усилием воли обернулась, уставившись в маленькое оконце. Первое, что я увидела, это его потемневшие зелёные глаза, пристально разглядывающие меня.

— Пётр! — рассердилась я, понимая, что этот бесстыдник тут делает.

И вдруг перед взором замельтешили белые мухи, уши заложило, ноги стали ватными, и я рухнула на скамью. Словно в тяжёлом сне я наблюдала за тем, как дверь в баню распахнулась. Пётр влетел внутрь, подхватил меня обмякшую на руки и вынес в тёмный предбанник. Холодный воздух окутал тело, даря облегчение.

— Держись, — бормотал мужчина, усадив меня на скамью. Он нашёл мои вещи, закутал меня в большое полотенце, сверху накинул плащ, снова подхватил на руки и вышел на улицу.

— Дыши глубже, — словно издалека долетел до меня его хриплый голос. Я прильнула к надёжному мужскому плечу и прикрыла глаза. Тело превратилось в тряпку, я не могла

пошевелиться, словно лишилась всех сил.

Как мы дошли до дома и оказались в моей спальне, я не запомнила. Пётр усадил меня на кровать, стащил с моих плеч плащ и бережно уложил меня на постель, накрыв одеялом.

— Барышня! Что случилось? — в комнату вбежала Глаша и засуетилась возле моей кровати.

— Угорела наша гостья, — тревожные нотки прозвучали в ответе колдуна, — ей нужно отлежаться. Глаша, принеси барышне чаю с мёдом.

— Хорошо, — и служанка скрылась из виду.

— Ольга, как вы себя чувствуете? — мужчина присел на край постели и внимательно посмотрел на меня.

— Фигово, — прошептала я, прикрыв глаза.

Он на секунду оторопел, видимо, не понял значения слова из моего времени.

— Голова кружится? — решил он просто опросить меня.

— Да. Слабость такая, что ноги еле чую, — вяло отозвалась я, ощущая сухость во рту. — Пить хочу.

Пётр тут же поднялся и нашёл графин с водой на туалетном столике. Через мгновение я уже жадно глотала воду из стакана, а колдун поддерживал меня за спину, обняв крепкой рукой.

— Спасибо, — я откинулась на подушки и натянула одеяло до самого подбородка, помня о том, что на мне лишь полотенце. Затем я посмотрела на мужчину. — Вы подглядывали за мной.

— Каюсь, — Пётр сдвинул брови на переносице, — но если бы не я, не знаю, когда бы вас хватилась прислуга или мы с Владимиром Ивановичем.

— Это вас не оправдывает, — процедила я и снова прикрыла глаза.

— Согласен, — отчеканил он. — Я хотел убедиться, посмотреть, насколько вы прекрасны без одежды.

Вот ведь гад! В памяти всплыли приятные ощущения невидимых пальцев на моей спине. И тут меня осенило. Это не было глюком!

— И как? Убедились? — я приоткрыла веки и с прищуром посмотрела на мужчину. — Я чувствовала ваши прикосновения. Как вы это сделали?

— Немного поколдовал, — Пётр невозмутимо смотрел на меня. — Вам понравилось?

— Идите к чёрту, — процедила я, отвернувшись. — Не хочу вас видеть.

В комнату вернулась Глаша с подносом, на котором стояли чашка с горячим чаем и пиала с мёдом.

— Вот, барышня, прошу, — девушка поставила поднос на прикроватную тумбочку.

— Глаша, присмотри за гостьей, ей нужен отдых, — обратился Пётр к горничной, потом посмотрел на меня. — Ужин вам принесут. Увидимся завтра. Если что, зовите.

Я молча наблюдала за тем, как колдун покинул спальню, и облегчённо вздохнула, когда он ушёл. Однако мысли о его

поступке не давали мне покоя. Я взглянула на запястье, где стояла его невидимая метка. Может, он через неё как-то на меня влияет? И эти еле уловимые касания в бане мне точно не привиделись, сам ведь признался, что колдовал. Хватит думать о нём! Я вяло ударила кулаком по постели.

А ночью мне снились ласковые пальцы, которые нежно касались моих плеч и груди, словно крылья невидимой бабочки.

Глава 12. Подмена

Карета не спеша катилась по мостовой, а я не отрывала взгляда от окна и смотрела на тёмные улицы Питера. Солнце закатилось за горизонт, оставив угасающую полосу света на западе.

— Скоро приедем в Михайловский дворец, — напротив меня сидел Кондратий. — Волнуетесь, Ольга Владимировна?

— А вы как думаете? — процедила я, не удостоив поэта взглядом.

— Думаю, что у нас всё получится.

— Самоуверенности вам не занимать, — буркнула я в ответ.

— Не время препираться, — сухо заметил Пётр, который сидел рядом со мной. — Мы все в напряжении. Сейчас главное — сделать всё как запланировали.

Вдруг мужчина взял мою ладонь и тихонько сжал. От его горячих пальцев растекалось приятное тепло по руке и далее по телу. Сразу стало спокойнее, волнение улеглось.

— Вот так лучше, — вкрадчиво произнёс он и разжал пальцы.

— Опять ваши фокусы, — бросила я недовольный взгляд на колдуна.

— Не без этого. Просто я ненадолго запечатал ваши эмо-

ции. Кажется, подъезжаем, — Пётр посмотрел в оконце. — Готовьтесь.

Если честно, я была благодарна колдуну за то, что снял моё волнение — будет легче действовать, опираясь на разум, а не на эмоции.

Карета проехала кованые ворота и остановилась для осмотра. Дверь тут же распахнулась, и молодой мужчина в военной форме, держа перед собой переносной фонарь, громко отчеканил:

— Господа, ваши приглашения.

— Прошу, — Рылеев передал карточку. — Кондратий Фёдорович, Пётр Григорьевич и моя кузина Наталья Алексеевна.

Привратник пробежался взглядом по приглашению.

— Добро пожаловать, — он отдал поэту карточку и захлопнул дверь.

— Прекрасно, наш путь продолжается, — просиял Кондратий, и карета тронулась с места.

Мы подъехали к главному входу, где пара тусклых масляных фонарей освещали широкую каменную лестницу. Пётр помог мне выйти из кареты, и я огляделась. Из окон дворца струился жёлтый свет от свечных люстр, но его было мало, чтобы осветить улицу. Белые львы грозно раскрыли пасти, словно статуи сейчас набросятся на врагов. Я поёжилась от неприятного ощущения.

— Прошу, дорогая кузина, — Кондратий предложил мне

локоть, и я ухватилась за него, поднимаясь по лестнице. В вестибюле было немногочленно, всё же мы приехали позже назначенного времени и основная масса гостей уже прибыла на приём. Лакеи проводили нас в комнату на первом этаже, где мы смогли оставить верхнюю одежду и сменили сапоги на туфли. Освещение тут оказалось скудное — всего пара подсвечников. На мне было надето вечернее платье светло-розового оттенка с короткими руками и открытыми плечами. Я посмотрела на своё отражение в большом напольном зеркале.

— Рад вас видеть, — в комнату вошёл барон Штейнгель.
— Алединские уже четверть часа как тут.

— Превосходно, можем подниматься в гостиную, — Рылеев, одетый с иголки, поправил и так идеальные лацканы фрака. — Владимир Иванович, вверяю вам нашу гостью. Ольга Владимировна, скоро увидимся.

— Не забудьте, мы с вами не знакомы, — вкрадчиво проговорил Пётр за моей спиной и покинул комнату вместе с поэтом.

— Прошу за мной, — барон указал на неприметную дверь, через которую ходила прислуга, и мы вышли на лестничную площадку. Штейнгель отвёл меня в один из примыкающих к дворцу флигелей. Мы вошли в небольшую комнату, где нас ждали две женщины в форменной одежде горничных. Они молча поклонились и потупили взор. В помещении стояла простая мебель, ширма, выделяющая угол, — словом,

никакой изысканной лепнины и расписных потолков. Сразу видно, не для господ комната.

— Ольга Владимировна, ждите меня, я скоро вернусь. Варвара и Настасья приглядыт за вами, — улыбнулся барон и исчез за дверью.

Я посмотрела на служанок. Их глаза зияли пустотой, ни одной эмоции на лице не промелькнуло. Профессиональная выдержка или они под влиянием магии? Скорее первое. Разговаривать с женщинами не было никакого желания. Я опустилась на простую софу и стала ждать появления барона или Петра.

Пока сидела в бездействии, в голову лезли мысли о побеге — рвануть куда глаза глядят, но это было бы совсем безрас-судно с моей стороны. Да и воздействие Петра ещё не прошло. Эмоции бились где-то возле сознания, не проникая в душу и не тревожа меня.

Прошло примерно минут двадцать, когда двери отвори-лись и в комнату вошли знакомые мне мужчины: Каховский и барон Штейнгель.

Пётр вёл за руку Алединскую, словно дитё малое. Та ни капли не сопротивлялась, глупо улыбаясь.

— Ой, вы так похожи на меня, — растянула она губы до ушей.

— Вы чем её накачали? — строго посмотрела я на колду-на.

— Ничем, это магия подчинения, — ухмыльнулся муж-

чина. — Вам нужно торопиться. Переодевайтесь скорее.

Горничные тут же встрепенулись и, взяв Ольгу под руки, увели за ширму.

— Идите же. У нас мало времени, — недовольно процедил Пётр. Я встала и проследовала в угол, где женщины быстро и умело расстёгивали светло-бежевое платье Алединской.

Через четверть часа я была готова. Платье графини сидело на мне идеально, туфли тоже оказались впору. Мы с ней как две сестры-близнецы. Я натянула длинные белые перчатки до локтя, схватила ридикюль и веер. Горничные успели немного переделать мою причёску, чтобы она была такой же, как у Ольги.

Саму Алединскую нарядили в платье, в котором я приехала, и усадили на софу. Она слушалась любого приказа, что бы ей ни говорили.

— Она теперь всё время такой будет? — покосилась я на девушку.

— Не тревожьтесь, Ольга. Магия иссякнет через пару часов, к тому времени мы покинем дворец и заберём её с собой, — хладнокровным тоном ответил Пётр. — Вы готовы?

— Готова, — я гордо подняла подбородок.

— Украшения забыли, — поджал губы колдун, указав на Алединскую.

Он подошёл к девушке. Пара движений, и кольцо с серьгами оказались в его руках.

— Помните, ваша цельна сегодня — понравиться Елене Павловне, а не её мужу, — Пётр подошёл ко мне со спины, его пальцы коснулись шеи, и я невольно вздрогнула. Тонкое ажурное кольцо легло мне на грудь. Щёлкнула застёжка.

— Алединская бывала на приёмах у Елены Павловны?

— Всего пару раз, — бесцветным голосом проговорил мужчина. Он шагнул, встав передо мной, и протянул длинные сережки из той же парюры, что и кольцо. Вдел в мои уши длинные крючки украшений.

— Прекрасно, теперь полный порядок. Идите скорее, пока Ольги не хватились. Владимир Иванович проводит вас. Алединская с ним знакома. Я подойду чуть позже. Помните, нас ещё друг другу не представляли, — мужчина отошёл в сторону, открывая путь к двери.

Барон подал мне руку, и мы вместе вышли из комнаты для прислуги.

— Если батюшка будет спрашивать вас, куда вы пропали, скажите, что заблудились, а я помог вам найти зал, — участливым тоном проговорил мой провожатый, ведя меня по сумрачному коридору.

— И зачем Ольга покинула приём?

— Она вышла по надобности в уборную, — улыбнулся мужчина. — Скоро всех пригласят к столу, нужно поторопиться.

Мы покинули флигель, дошли до парадной лестницы и сбавили шаг, так как благородным гостям не пристало бегать

и торопиться. Вышколенные лакеи стояли по струнке возле входа, не обращая на нас внимания.

— А великий князь уже там? — взглянула я на самый верх мраморной лестницы.

— Михаила Павловича пока нет. Он не всегда посещает мероприятия жены, — пояснил барон. — Но возможно, ещё появится.

Только я хотела подняться на первую ступеньку, как за спиной хлопнула дверь и потянуло сквозняком.

— Ваше Высочество, гости княгини уже прибыли, — отчеканил лакей.

— Ужинают? — раздался приятный баритон.

— Ещё нет, но скоро всех позовут к столу.

— Замечательно. Можно сегодня послушать очередную Зонтаг⁴ ради вкусного ужина, — ирония прозвучала в голосе мужчины.

Я обернулась и замерла, разглядывая высокого мужчину в офицерском мундире. И сразу поняла, что это он.

⁴ Генриетта Зонтаг (1806-1854) — знаменитая немецкая оперная певица.

Ольга

"Канарейка Великого князя"

Ольга Росса

Глава 13. Приём во дворце

Я понятия не имела, как выглядит великий князь, но по военной выправке и аристократическим чертам лица сразу стало ясно, что прибыл хозяин всего этого великолепия. Михаил снял верхнюю одежду, отдал её лакею и уверенно зашагал к парадной лестнице.

— Моё почтение, Ваше Императорское Высочество, — мой спутник склонил голову, как только князь приблизился к нам.

— И вам доброго вечера, барон Штейнгель, — он слегка улыбнулся.

От волнения я позабыла указания и пялилась во все глаза на светловолосого мужчину.

— Где вы отыскиали столь милую спутницу, Владимир Иванович? Кажется, мы знакомы? — на лице князя промелькнул интерес, его серые глаза слегка прищурились.

Барон легонько толкнул меня локтём в бок, и я отмерла. Поспешно склонила голову, присев в реверансе.

— Рада приветствовать Вас, Ваше Высочество, — я практически не дышала, боясь выдать своё волнение.

— Ольга Александровна — старшая дочь генерала Алединского, — представил меня барон.

— Ну конечно же. Прошу прощения, юная графиня, что не узнал вас, — искренне удивился Михаил Павлович, держа

руки за спиной. — В последний раз мы виделись, когда вы ещё учились в Смольном. С тех пор вы очень изменились. Вас просто не узнать.

— Надеюсь, изменения в лучшую сторону? — робкая улыбка сама растянулась на моих губах.

— Несомненно. Ваш батюшка тоже здесь?

— Да. Я вышла из зала и немного заблудилась в этом великолепном дворце, — я скромно опустила глаза, как и следовало юной барышне. — Барон помог мне найти главную лестницу.

— Я признаюсь, сам порой здесь блуждаю, — князь понизил тон, как будто сообщил нам личную тайну. — Почти три месяца прошло, как переехали во дворец, никак не привыкну. Позвольте проводить вас, Ольга Александровна. Где сегодня проходит приём?

— В белой гостиной, Ваше Высочество, — ответил вместо меня барон Штейнгель.

— Милости прошу, — Михаил Павлович подал мне руку в белой перчатке, и я приняла его помощь, обхватив его локоть.

Таким образом, бок о бок мы вместе поднялись по широкой лестнице на второй этаж, откуда слышались голоса и звуки фортепиано.

Войдя в просторный зал с белыми колоннами, я слегка растерялась, не зная, куда идти. Гостей было так много, что я не сразу заметила генерала Алединского. Те, кто оказал-

ся поблизости от входа, принялись приветствовать хозяина дворца.

— А вот и ваш папенька, Ольга Александровна, — Михаил кивнул в сторону статного мужчины в военном мундире. Отец графини строго посмотрел на меня, но, заметив князя, смягчил взгляд.

— Благодарю, Ваше Высочество, — улыбнулась я Михаилу и отпустила его локоть.

— Хорошего вам вечера, Ольга Александровна. — Князю необходимо было уделить внимание каждому гостю, обменяться парой любезных фраз.

— Я уж начал волноваться, — рядом со мной возникла высокая фигура генерала Алединского.

— Простите, что заставила вас ждать, — я бегло посмотрела на отца Ольги и чуть не съёжилась от его пристального взгляда. — Я немного заблудилась.

— Елена Павловна спрашивала о тебе. Скоро ужин подадут.

Так, значит, меня уже успели представить Великой княгине. Хорошо. Только я понятия не имею, как она выглядит.

— Мне подойти к ней? — я оглядела зал, чтобы понять, где же сама хозяйка вечера.

— Ты ещё спрашиваешь? — помрачнел генерал.

— Поняла, — я кивнула, и мы вместе пошли по залу.

Краем глаза заметила Рылеева, который оживлённо беседовал с каким-то важным мужчиной. Барон Штейнгель при-

соединился к ним.

В центре зала возле чайного столика расположилась кучка молодых женщин. Кто-то сидел на диванчиках, кто-то в креслах. В середине этой стайки я заметила молодую особу в кремовом платье. Статная, красивая, она мило улыбалась, выслушивая трескотню других девушек. Невооруженным глазом было видно, что она тут главная, а остальные пытаются её развлечь или просто привлечь к себе внимание.

— А вот и моя дочь, Ваше Высочество, — генерал обратился к величественной особе, подведя меня к компании женщин. — Простите, Ольга случайно заблудилась в вашем прекрасном дворце. Засмотрелась на статуи и картины великих мастеров.

— Александр Павлович, я прекрасно понимаю вашу дочь. Здесь действительно есть чем любоваться, — произнесла княгиня с немецким акцентом. — Ольга Александровна, вы любите искусство?

— Да, Ваше Высочество, — склонила я голову. — Дворец прекрасный образец архитектурного замысла и вызывает только восхищение.

— Отрадно слышать, — она улыбнулась, а я пребывала ещё в некотором недоумении.

Елена Павловна выглядела моей ровесницей. Наверное, едва ей исполнилось восемнадцать лет, как её тут же выдали замуж за русского принца. Даже дочь уже успела родить.

— Ольга Александровна, ваш батюшка хвалил вас в музи-

цировании и пении, — продолжила княгиня беседу. — Сыграйте нам что-нибудь, пожалуйста, для аппетита. Да и Екатерина уже измучила инструмент, — тихо проговорила княгиня, покосившись на девушку, которая только что отошла от рояля, закончив играть заунывную мелодию.

— С превеликим удовольствием, — я гордо подняла подбородок и проследовала к инструменту, который находился напротив.

Рояль звучал превосходно, пальцы с лёгкостью порхали по клавишам, выводя шустрюю третью часть сонаты номер одиннадцать Моцарта, которая известна больше как «Турецкий марш». Я с удовольствием отдалась музицированию, не обращая внимания на гостей, чтобы привести своё душевное состояние хоть к какому-то равновесию. Когда последний аккорд утих, я подняла голову и удивлённо распахнула глаза. Вокруг рояля собралось немало народу, в том числе и сам великий князь.

— Bravo, Ольга Александровна, — улыбнулся хозяин дворца. — Прекрасное владение инструментом.

— Благодарю, — я смущённо опустила глаза. Кажется, я привлекла к себе слишком много внимания. — Сыграть что-нибудь ещё?

— Обязательно, но чуть позже. Я жутко голоден, а посему приглашаю всех к столу, — последние слова князь проговорил громче. По движению его правой руки я поняла, что Михаил сейчас вот-вот протянет её мне, но его опередил гене-

рал Алединский, который, оказывается, стоял прямо за моей спиной.

— Оля, великолепная игра, — он сухо похвалил меня, и его ладонь оказалась перед самым лицом. — Спасибо за приглашение, Михаил Павлович.

Я встала, вложив пальцы в отчую руку. И увидела Каховского, который стоял у белой колонны. Он слегка кивнул, давая мне знак, что всё идёт хорошо. Вот только до конца вечера было ещё далеко.

Глава 14. Музыкальный вечер

Меня усадили за стол поближе к великой княгине. Елена Павловна главенствовала на одном конце стола, её муж на другом. Рылеев и Каховский оказались где-то посередине, на менее почётных местах. Значит ли это, что княгиня ко мне благоволит или она просто решила рассмотреть мою кандидатуру поближе?

Ужин шёл в непринуждённой обстановке. Велись негромкие беседы обо всём и ни о чём. Я больше молчала, помня о том, что незамужним девицам положено проявлять скромность. Да и болтать не было настроения, я следила за своими движениями и осанкой, чтобы не ударить в грязь лицом.

Напротив меня сидела юная брюнетка, фрейлина княгини, которая не сводила с меня глаз. На вид мы с ней были ровесницами, но её взгляд не сулил мне ничего хорошего. Это она мучила рояль своими потугами в музицировании, когда княгиня попросила меня сыграть что-нибудь повеселее. И кажется, девица знакома с Ольгой, но почему-то делает вид, что не знает её.

— Елена Павловна, слышали недавний скандал? — мужчина в круглых очках обратился к княгине. — В театральном училище генерал-губернатор запретил играть новую пьесу Грибоедова.

— Так ужасна постановка или сама пьеса? — заинтересо-

валась княгиня новостью.

— Конечно, пьеса! — горячо воскликнул гость. — Она просто возмутительная! Само название только вызывает недоумение — «Горе от ума».

— Интересное название, — улыбнулась княгиня.

— Смелое и остроумное произведение, — решила я вступить за классика.

— Вот как. Ольга Александровна, вы читали пьесу? — удивлённо посмотрела на меня хозяйка вечера.

— Читала, — рискнула я сказать часть правды. Раз пьесу поставили, значит, текст где-то уже печатали, в каком-нибудь журнале например. — Сатира автора выше всяких похвал. Грибоедов талантливый драматург.

— Но Милорадович запретил постановку, — вдруг в разговор вступила фрейлина, которая метала взглядом молнии в мою сторону.

— Возможно, ещё не пришло время для этой пьесы, — спокойно рассуждала я, — но уверена, что позже она будет оценена по достоинству и войдёт в золотой фонд литературы девятнадцатого века.

— Смелые заявления, — улыбнулась Елена Павловна. — Пожалуй, почитаю эту работу и, может быть, приглашу писателя на один из поэтических вечеров. Благодарю за ваше честное мнение, Ольга Александровна.

В душе я радовалась, что удалось чем-то заинтересовать княгиню и произвести на неё впечатление. И опять уловила

на себе злобный взгляд фрейлины. Чем же Алединская ей не угодила?

Дальше ужин пошёл в прежнем русле, а я наслаждалась гастрономическими изысками, пробуя каждое подаваемое блюдо.

Ужин закончился, всех дам хозяйка пригласила в белый зал на чаепитие, а часть мужчин ушла в курительную комнату. Великий князь и генерал Алединский были в числе бывших.

Елена Павловна расположилась на прежнем месте возле столика. Фрейлины и некоторые гости окружили княгиню и принялись развлекать её сплетнями и слухами, которые ходили в обществе.

Я сидела в сторонке за соседним столом, попивая горячий чай из фарфоровой чашки, и не могла заставить себя поддерживать нелепые разговоры. Да и сама княгиня слушала гостей вполуха. На рояле пока никто не играл, все пили чай и увлечённо беседовали. И я подумала — почему бы не удивить гостей и княгиню?

На меня никто не обращал внимания, и я незаметно подошла к инструменту, села на стул. Первые звуки поплыли по залу, и я запела:

— А напоследок я скажу...

А напоследок я скажу...

Прощай, любить не обязуйся!

С ума схожу иль восхожу

К высокой степени безумства⁵...

Этот романс очень любила моя бабушка. Два года назад я специально выучила эту песню для её юбилея, а потом приходилось иногда петь на корпоративах, которые проходили в стиле девятнадцатого века.

Пальцы безошибочно находили нужные клавиши на инструменте, я старательно брала голосом ноты, хотя без разогрева было непросто. И в какой-то миг я перестала себя контролировать, отдаваясь чувствам. Романс мне нравился, и я с удовольствием пела, замечая краем глаза, как гости притихли, слушая меня. На середине песни Елена Павловна подошла к роялю, смотря на меня с интересом.

Когда песня закончилась и музыка стихла, княгиня захлопала в ладоши.

— Браво! Браво! У вас чудесный голос, Ольга Александровна, — улыбалась хозяйка вечера. — Я впервые слышу этот романс. Кто его написал?

— Одна женщина, — замялась я, соображая, что ответить, ведь эти стихи напишут только спустя полтора столетия, — она слишком скромная и просила меня никому не говорить, кто автор.

— Очень любопытно, но я не буду настаивать. Романс превосходный.

— Необычный слог, — к роялю подошёл Михаил Павлович в окружении мужчин. — Я слышал ваше пение, Ольга

⁵ Стихи Беллы Ахмадулиной.

Александровна, когда вернулся в зал. У вас красивый голос.

— Благодарю, Ваше Высочество. Надеюсь, я пою не хуже, чем Зонтаг? — решила я сострить.

— Определенно, — кивнул он. — Между прочим, с вами хотят познакомиться. Поручик!

Вдруг передо мной возник молодой человек в военной форме. Высокий, статный с тёмными волосами. Его я видела за ужином, он сидел рядом с хозяином дворца.

— Ольга Александровна Алединская, — представил меня князь. — Поручик Александр Григорьевич Демидов, один из моих орлов.

Меня словно током ударила догадка. Я сглотнула, глядя на офицера, и пролепетала что-то вроде «приятно познакомиться».

— Ольга Александровна, спойте что-нибудь ещё лирическое, — княгиня даже не посмотрела на мужа, который стоял рядом.

— Хорошо, — кивнула я и запела романс Баратынского «Не искушай», его точно уже слышали гости Михайловского дворца.

А в голове билась мысль, что таких совпадений не бывает. Я украдкой поглядывала на молодого поручика, убеждаясь в своей теории. Мне нужно срочно поговорить с Каховским, наедине. Но как это сделать?

Глава 15. Сюрпризы вечера

Поручик не сводил с меня глаз, но, когда я закончила петь, его отвлёк великий князь, и они куда-то ушли. Передав инструмент следующей гостье вечера, я вернулась на диванчик в круг Елены Павловны. Долго не могла придумать, как же мне поговорить с Петром, ведь мы ещё официально не знакомы. Меня спасло то, что после музыки началась поэтическая часть вечера.

Сначала продекламировал стихи какой-то мужчина в мундире, прославляя Россию в сражении у села Бородино. Затем на середину зала вышел Рылеев и прочитал пару своих свежих стихотворений, конечно, без радикальных мыслей. Говорил он настолько одухотворённо, делая паузы в нужных местах, что я невольно заслушалась его речами. Всё же оратор он замечательный и умеет держать внимание публики. Этого у него точно не отнять.

Когда он закончил, гости и сама великая княгиня испукали его в овациях.

— Елена Павловна, познакомьте меня, пожалуйста, с Рылевым, — обратилась я к хозяйке вечера. — Много слышала о нём. Интересный человек.

— Вы правы, Ольга Александровна, он прекрасный оратор, — и княгиня позвала поэта в свой круг. Тот, конечно, не отказался и предстал перед хозяйкой. За его спиной мая-

чила фигура Каховского.

— Кондратий Фёдорович, вы сегодня задели тайные струны моей души. Благодарю вас за стихи, — вежливо обратилась княгиня к гостю.

— Рад, что вам понравилось, Ваше Высочество, — поэт склонил голову и приник губами к руке хозяйки. — Позвольте я представлю вам своего моего хорошего друга Петра Григорьевича Каховского.

— Я безмерно рад нашему знакомству, Ваше Высочество, — колдун посмотрел на княгиню, также поцеловал ей руку.

— С вами желает познакомиться моя юная гостья. Ольга Александровна Алединская — ваша поклонница, Кондратий Фёдорович, — хозяйка представила меня мужчинам.

— Отраднo слышать, что столь юные барышни интересуются моим творчеством, — улыбнулся Рылеев, глядя на меня.

— Это правда, господин Рылеев, — подала я голос и выразительно посмотрела на Петра.

— Присаживайтесь, господа, — княгиня указала на свободные стулья за столом. Одно место было возле меня, и его, конечно, занял Каховский.

— Как здоровье княжны Марии Михайловны? — любезничал поэт.

— Благодарю, здорова. Недавно первый зубик появился, было тяжело бедняжке, лихорадило даже, — на лице княгини не промелькнуло ни единой лишней эмоции, как будто

она не о родной дочери говорила. — Но сейчас всё хорошо.

— Да, маленькие дети это не только радость, но и переживания. Помнится, моя Настенька тоже тяжело перенесла появление первых зубов, — в голосе поэта чувствовалась любовь к дочери.

Потом их беседа плавно перетекла в область поэзии. Говорили даже о Пушкине, к которому княгиня проявила интерес.

— Ольга Александровна, кажется, играют вальс, — вдруг обратился ко мне Каховский. — Могу я надеяться на танец?

— Вы приглашаете меня? — изогнула я бровь, смотря на мужчину. Как раз это мне и надо — танец. В зале уже несколько пар вальсировали под аккомпанемент фортепиано.

— Именно, — мужчина протянул мне руку.

Я вложила свою ладонь в перчатке в его пальцы, и мы поднялись, направляясь к танцующим. Поклонились друг другу, одна мужская рука легла на мою талию, бережно удерживая, другая сжала ладонь. Когда мы тренировались в доме барона, я не волновалась так, как сейчас. Пётр закружил меня, ведя по залу.

— Не беспокойтесь, Ольга, всё идёт по плану, — тихо проговорил он, чуть наклонившись.

— Не совсем, — покосилась я в сторону юного поручика, который снова появился в зале и стоял у одной из колонн, не сводя с меня глаз. — Видели, как Демидов смотрит на меня?

— Заметил. И что?

— А то, он мой пра-пра-прадед, будущий муж Ольги Алединской, — прошипела я. — Понимаете, чем это грозит?

— Поясните, — вот ведь тугодум. Пётр отпустил мою талию, и я легко пробежала круг, вернувшись в его крепкие мужские руки.

— Только не здесь. Нужно выйти, — улыбалась я партнёру, как положено. — Придумайте что-нибудь.

— Хорошо, — кивнул мужчина, и мы продолжили танцевать.

Когда закончилась музыка, Пётр проводил меня в уголок княгини, но не успела я сесть, как передо мной возник поручик.

— Ольга Александровна, позвольте пригласить вас на кадрили, — он склонил голову и протянул руку. Обалдеть. Я буду танцевать со своим пра-пра-пра- (сколько там приставок?) дедом! Но ведь нужно помочь Ольге сделать то, чему суждено случиться.

— Благодарю за приглашение, Александр Григорьевич, — улыбнулась я, и моя рука оказалась в офицерской ладони. Краем глаза заметила, как лицо Каховского напряглось.

На кадрили вышло восемь пар, заиграла весёлая мелодия, которую выводила на рояле одна из фрейлин княгини. Рисунк танца я помнила, но иногда сбивалась, путая, куда повернуться или какую руку подать партнёру. Демидов словно не замечал моих оплошностей и не сводил с меня глаз.

Хорошо, что танец предполагал групповое взаимодействие четвёрок и разговоры тут были лишними.

Танец закончился, офицер проводил меня обратно к компании, которая собралась вокруг княгини. Сама хозяйка вечера не танцевала. Снова подали чай, и, как назло, свободное место оказалось только рядом с той брюнеткой, которая бросала на меня злобные взгляды. Но деваться было некуда, и я опустилась на стул. Очень хотелось промочить горло хотя бы чаем. Я взяла чашку из тонкого фарфора и только хотела поднести к губам, как моя соседка встала.

— Простите, мне нужно отлучиться, — пролепетала она, повернувшись, и задела мой локоть рукой. Горячий чай выплеснулся из чашки мне на грудь.

— Ай! — я дёрнулась, подскочив. Часть чая попала прямо в ложбинку, которое открывало глубокое декольте, и немного обожгло кожу, остальное пролилось на ткань. Хорошо хоть не кипяток был, а то получился бы настоящий ожог.

— Ох! Извините, я такая неловкая, — запричитала фрейлина, строя гримасу сожаления. Не ожидала я такой подставы.

— Мне нужно привести себя в порядок, — взглянула я на Елену Павловну. Девушка, сама того не зная, оказала мне услугу. С этой мелкой пакостницей я позже разберусь.

— Ольга Александровна, пройдите в танцевальный зал, потом в жёлтую гостиную, за ней уборная, там есть вода. Может, кто-то проводит вас? — княгиня участливо заозиралась

по сторонам.

— Благодарю, надеюсь, сама найду комнату, — я поклонилась и поспешила в соседний зал. Проходя мимо Каховского, который маячил неподалеку, выразительно посмотрела на него. Надеюсь, поймёт мой намёк.

Пройдя через пустой просторный зал, где обычно устраивали балы, я вышла в другие двери и оказалась в гостиной поменьше, надеюсь, это и есть жёлтая, вроде похожа. Там обнаружился проход в уборную — небольшую комнату с хозяйственным инвентарём. Правда, пришлось взять из гостиной подсвечник, чтобы осветить помещение. Кажется, я нашла то, о чём говорила княгиня. На столике стоял таз с водой, рядом с ним стопка чистых полотенец и лежал кусок мыла на фарфоровом блюде.

Я принялась отстирывать пятна чая, смочила край полотенца в воде, намылила его. В этот момент дверь скрипнула, и свеча дрогнула от сквозняка.

— Наконец-то поговорим, — посмотрела я на вошедшего колдуна и начала тереть платье.

— Что вам там показалось? — нахмурился мужчина, наблюдая за моими действиями.

— Ничего не показалось. Если Демидов и Алединская не поженятся, то и я не появлюсь на свет. Возникнет временной парадокс, — быстро говорила я, а сама продолжала оттирать платье. — Поэтому с Ольгой ничего не должно случиться, она просто обязана выйти замуж за Александра, иначе я про-

сто растаю и вы даже не вспомните обо мне.

— Вы уверены, что он ваш родственник? — мужчина мне не верил.

— Если мало общей фамилии, то вот вам ещё факт. Бабушка мне рассказывала, что в нашем роду был композитор Григорий Александрович Демидов. Это сын Ольги и Александра Демидовых. Девичью фамилию его матери я не знала, но теперь уверена, что это Алединская. Тем более мы так с ней похожи — точно родственники. Вы мне верите?

— Верю. Не волнуйтесь, я лично прослежу за Ольгой. С ней всё будет хорошо, она не пострадает, — его тяжёлые ладони легли мне на плечи.

— И как мне оказывать знаки внимания сразу Демидову и великому князю? — выразительно посмотрела я на Каховского, и мои руки сами опустились.

— Не думаю, что с поручиком вы будете часто видеться. И до свадьбы точно далеко. Насколько мне известно, Демидова сейчас интересует исключительно военная карьера.

— И всё же. Я слышала, через неделю будет бал во дворце. Елена Павловна собирается праздновать свой день ангела. Вдруг и поручик окажется там? — я понимала, что нелегко усидеть на двух стульях.

— Вот и отлично, — улыбнулся он. Мужские пальцы нежно сжали мои плечи, и я покосилась на его цепкие руки. — Всё равно флиртовать с Михаилом у всех на виду вы не сможете, а оказывая знаки внимания Демидову, оградите себя

от подозрений княгини.

— Когда же мне общаться с князем?

— В будние дни. Надеюсь, Елена Павловна назовёт в конце вечера ваше имя, объявив вас новой фрейлиной, и вы останетесь во дворце, — Пётр пристально смотрел на меня. Из-за взгляда его зелёных глаз мне стало не по себе, внутри разгоралось странное приятное чувство от его близости. Опять колдует?

— Вам пора идти, — я отвернулась, освободившись от его рук, и принялась полоскать в тазу полотенце.

Только Каховский собрался коснуться дверной ручки, как раздался стук.

— Ольга Александровна, у вас всё в порядке?

— Князь, — в ужасе прошептала я, смотря на Петра.

Глава 16. Фрейлинский шифр

— Да, Ваше Высочество, всё хорошо, — громко ответила я, а сама во все глаза смотрела на Петра. — Я почти закончила. Через минуту вернусь.

— Ваш батюшка спрашивал о вас. Может, мне подождать, пока вы управитесь, и проводить? — не унимался князь, стоя за дверью.

— Благодарю, но не стоит беспокоиться. Правда, всё хорошо, Ваше Высочество, — я еле держала себя в руках, а по ухмыляющемуся лицу колдуна было видно, что его забавляла ситуация.

— Как скажете, Ольга Александровна, — и слышались удаляющиеся шаги.

— Что вас так развеселило, Пётр Григорьевич? — я недовольно шикнула на мужчину, схватив сухое полотенце, и начала вытирать платье.

— Однако вы умудрились заинтересовать Великого князя в первый же вечер, — тихо произнёс он, словно боялся, что князь никуда не ушёл.

— А что здесь такого? — я тоже понизила голос до шёпота и повернулась к зеркалу. — Я молода и хороша собой. Вон Демидов с меня глаз не сводил.

— С этим не поспоришь, — вкрадчивый шёпот, и горячее дыхание коснулись моей шеи, на плечи легли пальцы. — И

я весь вечер с вас глаз не совожу...

Я замерла, чувствуя еле уловимое дыхание на своей коже. Мне казалось, вот-вот мужские губы коснутся шеи, пройдутся вниз к ключице. И что самое странное, мне хотелось ощутить эти губы. Я смотрела на отражение в зеркале: Пётр склонил голову, а его нос чуть ли не уткнулся мне в шею. Ноздрей коснулся запах осеннего дождя — холодного, свежего, с ароматом опавших листьев, накаляя мои нервы до предела.

— Мы с Кондратием скоро покинем вечер. Нужно вывезти Алединскую, — руки неожиданно исчезли с моих плеч, и обжигающее дыхание пропало. — Барон останется и потом расскажет нам, взяла вас Великая княгиня во фрейлины или нет. Рисковать больше нельзя. Удачи, вам Ольга Владимировна. И помните, что вы связаны со мной.

— Берегите Ольгу — вы дали обещание, — процедила я, глядя в зелёные глаза в отражении.

— Не волнуйтесь, она будет под надёжным присмотром. Мне пора. Не задерживайтесь тут, — мужчина резко развернулся, пропадая в темноте. За спиной скрипнула дверь, огонь свечи дёрнулся от движения воздуха, и снова всё стихло.

Я вздохнула, прикрыв глаза. Почему не прогнала его? Ждала его поцелуя? Бред какой-то! Злость на саму себя вернула меня в реальность. Нужно торопиться, пока кто-нибудь не хватился меня, точнее Ольгу.

В белом зале гости развлекались: дамы шушукались вме-

сте с княгиней, склоняясь над столом и листком бумаги, а кучка мужчин во главе с Михаилом Павловичем смотрели на них, улыбаясь. Как я поняла, они во что-то играют.

— Ольга Александровна, присоединяйтесь к нам, — хозяйка вечера поманила меня рукой. — Может, вы что-то придумаете? Никак не получается закончить фразу остроумной шуткой.

Я догадалась, что гости играют в буриме, о правилах которого мне рассказывал Каховский, и присоединилась к ним. Дамы уже почти закончили стих, но на одной из строк застряли, не зная, что написать к слову «ласку».

Пробежав глазами по листку, я задумалась и выдала то, что в голову пришло. Княгиня приподняла брови, а потом улыбнулась.

— Замечательно, тогда вам и держать ответ пред мужчинами, которые загадали нам рифму, — она дописала пером четверостишие и протянула мне лист.

Я взяла бумагу, вышла на середину зала и торжественным голосом продекламировала четверостишие:

— Усталый воин снимает шлем,
Словно опостылевшую маску,
Пред ним не стоит дилемм.
Он ждёт от дамы сердца ласку.

Мужчины засмеялись, громко зааплодировав мне, особенно старался поручик Демидов, по-прежнему не сводя с меня глаз.

— Чудесно, дамы, вы справились, — Великий князь посмотрел на меня, и в его глазах плясали искорки восхищения.

Смутившись, я раскланялась и поспешила за столик Елены Павловны, ощущая на себе пристальные взгляды со всех сторон. Настала очередь мужчин придумывать четверостишие на рифмы, которые сочиняли женщины. Вечер перешёл в новую фазу домашнего уюта и радушного гостеприимства. Мне даже дышать стало легче, словно я оказалась на своём месте.

Каховский и Рылеев, извинившись, покинули вечер. Я с замиранием сердца наблюдала за ними — они уходили из зала как ни в чём не бывало. Сразу стало не по себе — я осталась одна, без их поддержки.

Отец Ольги так и не проявлял ко мне особого интереса, совершенно не почуяв, что дочь подменили. Он то крутился возле молодой жены, то развлекался беседами с мужчинами, в особенности с Великим князем. Такое ощущение, что Михаил ему ближе родной дочери. Теперь я убедилась, что никаких доверительных и тёплых семейных отношений между Алединским и его старшей дочерью нет.

Когда вечер близился к завершению, Елена Павловна объявила вальс-кадриль, решив поставить красивую точку, как на балу, когда танцуют котильон. Правда, танец длился всего минут десять.

Мне выпала честь снова встать в пару с Демидовым. По-

ручик был очень даже мил и, как прежде, не обращал внимания на мои маленькие огрехи. Только бы у него не возникло подозрений, когда Ольга вернётся. Интересно, что придумает Каховский, чтобы Алединская, потеряв кусок памяти, возвратилась в прежнюю жизнь.

— Дорогие гости, наш вечер подходит к завершению, — Елена Павловна вышла на середину зала, когда стихла музыка. — Но сначала я хочу сделать маленькое объявление.

Она подала знак лакею, который стоял в стороне. Я заметила в его руках бархатную подушечку, на которой лежал голубой бант с блестящей брошью. Точно такие же я видела на нескольких девушках сегодня. Вот и пришло время узнать, кто станет следующей фрейлиной Великой княгини.

Лакей преподнёс хозяйке украшение, Великая княгиня взяла его, обвела взглядом гостей и остановилась на мне. Сердце ухнуло в пятки, когда она шагнула в мою сторону.

— Ольга Александровна, я хочу видеть вас своей фрейлиной. Вы согласны служить мне? — она улыбнулась, ожидая моего ответа.

— Ваше Высочество, это большая честь для меня, — взволнованно пролепетала я, присев в реверансе. — Благодарю за оказанное мне доверие. Буду служить вам верой и правдой.

— Я рада, что вы согласились. Примите от меня фрейлинский шифр, — Елена Павловна аккуратно приколотла брошь на моё платье в области груди ближе к левому плечу.

— Благодарю, — это было действительно волнительно. Я взглянула на брошь, которую называли фрейлинским шифром, провела рукой по золотому вензелю, усыпанному мелкими сверкающими камнями. Неужели бриллианты? Первую букву имени великой княгини венчала императорская корона. — Очень красивый шифр, Ваше Высочество.

— Носите его с достоинством. Завтра начнётся ваше недельное дежурство. Жду вас у себя в девять часов утра, — она повернулась к генералу Алединскому. — Александр Павлович, как вы понимаете, ваша дочь остаётся во дворце. Она будет получать полный пансион и жалованье. Пришлите завтра утром вещи дочери.

— Благодарю вас, Ваше Высочество, за великую честь, оказанную моей семье, — генерал гордо выпрямился и склонил голову. — Я рад за Ольгу. Конечно, завтра мои люди всё привезут.

Я облегчённо вздохнула. Значит, мне не придётся ехать домой к Алединским. Этого я боялась больше всего — если отец с мачехой не заметили подмены, то, возможно, другие родственники или слуги могли заподозрить неладное.

— От всего сердца благодарю вас за то, что посетили мой приём, — обратилась Елена Павловна к гостям.

Люди по очереди прощались с хозяевами дворца, благодаря их за чудесный вечер. Ко мне подошёл отец Ольги.

— Я правда рад за тебя, — бесцветным голосом проговорил генерал. — Надеюсь на твоё благоразумие, не посрами

нашу фамилию. Хорошо, что ты собрала вещи заранее. Увидимся скоро.

— До свидания, папа, — только и успела сказать, как генерал развернулся и, взяв под руку жену, повёл её из зала.

Ну да, ещё бы он был не рад. Спихнул дочь из дома на обеспечение Великой княгини, чтобы под ногами не путалась. Наверное, надеется, что дочь здесь быстрее найдёт богатого и достойного жениха.

— Екатерина Владимировна, покажите графине её покои, — княгиня обратилась к той самой брюнетке, которая якобы случайно толкнула меня и я облилась горячим чаем.

— Хорошо, Елена Павловна, — пролепетала фрейлина и взглянула на меня так, словно готова была съесть заживо.

Вот и первые проблемы нарисовались. Надо выяснить, почему эта девушка так ненавидит Алединскую.

Екатерина

"Канарейка Великого князя"

Ольга Росса

Глава 17. Первое дежурство

Екатерина отвела меня на первый этаж дворца, где находились покои фрейлин и придворных. Мы молча шли по длинной галерее, освещённой настенными канделябрами, затем остановились возле одной из многочисленных дверей. Екатерина посмотрела на меня и гордо заявила:

— Ваши покои, Ольга Александровна, — и уже хотела развернуться и уйти, но я остановила её, ухватив за локоть.

— Стойте, Екатерина Владимировна. — Девушка замерла и с вызовом посмотрела на меня. — Что происходит? Я чувствую от вас неприязнь и злобу.

— Вы ещё спрашиваете? — хмыкнула она. — У вас проблемы с памятью?

— У меня нет проблем с памятью, — поджала я губы, — но хочу услышать от вас начистоту, за что вы меня так ненавидите.

— Ясно. Я давно поняла, что для вас очередной поклонник это лишь игрушка, — процедила она, явно сдерживая эмоции. — Демидову глазки тоже будете строить, танцевать с ним мазурку на балах, сидеть за одним столом и вести беседы, а потом как ни в чём не бывало откажете, когда он признается в чувствах к вам и попросит вашей руки?

Я оторопела от столь неожиданных обвинений и не знала, что ответить. Ведь я понятия не имею, что произошло у

Алединской и её бывшего поклонника. И вообще каким боком это касается фрейлины?

— Нечего сказать? — скривила она губы, развернулась и поспешила прочь.

— М-да, поговорили, — вздохнула я и толкнула массивную дверь, которая вела в покои.

Я оказалась внутри гостиной, где горела всего одна свеча в ожидании новой постоялицы. Я подошла к подсвечнику, и, взяв его в руки, решила обойти свои владения, чтобы понять, где нахожусь. Комната была заставлена мебелью в стиле ампира, новой и шикарной, сработанной в светло-голубых тонах в сочетании с серым и золотистым. В гостиной стояла голландская печь с изразцами, которая одной стороной выходила в спальню, отапливая сразу два помещения.

Из гостиной я попала в спальню: широкая кровать с балдахином, туалетный столик, диванчик, пара комодов. Здесь также имелись гардеробная и уборная, в которой я увидела небольшую печь, лохань для мытья и специальный стул с дыркой и фаянсовым горшком на полу. Все удобства девятнадцатого века есть, и на том спасибо.

Рассмотрев своё новое жилище, я решила отправиться спать. Кое-как разделась — всё же без горничной расстегнуть кучу пуговиц на спине было непросто. Надеюсь, мне положено по статусу иметь хоть одну служанку, а то я понятия не имею, как набирать в лохань горячую воду и куда выливать горшок. Завтра со всем разберусь.

Легла спать, оставшись в нижней сорочке, и долго не могла уснуть, вспоминая прошедший вечер. Он позади, авантюра членов тайного общества набирает обороты, а я до сих пор не знаю, чего они хотят от Михаила Павловича и почему думают, что я могу уговорить князя сделать то, чего они жаждут.

Возможно, декабристы хотят переманить великого князя на свою сторону, пообещав ему трон империи. Неужели они думают, что мужчина, одержимый любовью к женщине, может пойти на предательство ради любовницы? Хотя в истории таких примеров немало.

Соблазнять великого князя я не собираюсь, но надо как-то уговорить Каховского, чтобы он отпустил меня в моё время. Как же выпутаться из всего этого?

За раздумьями я не заметила, как уснула.

— Барышня, просыпайтесь, — незнакомый голос разбудил меня.

— Вы кто? — распахнув глаза, я увидела перед собой молодую женщину в форменной одежде прислуги.

— Варвара я, не узнаете меня? — спокойным тоном ответила она. — Ваша горничная.

Я привстала и внимательно разглядела женщину. Точно, это же она вчера помогала мне переодеться в платье Алединской.

— Вы можете доверять мне, Ольга Александровна. Когда понадобится, могу передать от вас записку барону Штейнге-

лю, имейте это в виду.

— Хорошо. Значит, вы мой связной, — выдохнула я. Что же Владимир Иванович сразу мне не сказал.

— Можно и так сказать. Вам пора одеваться и приводить себя в порядок. Скоро проснётся великая княгиня, она будет ждать вас.

— Да, точно. Только что я надену? Мои вещи ещё не привезли, — я оглядела комнату и заметила на диванчике целую гору одежды.

— Привезли недавно. Сундуки стоят в гостиной. Лакеям приказала там их оставить, чтобы вас не разбудили, — горничная указала на дверь уборной. — Я приготовила вам тёплой воды для утреннего омовения.

— Спасибо, — поёжилась я, чувствуя, что воздух в спальне стал значительно прохладнее по сравнению с вечером. В печке трещали дрова, но жар выделялся ещё слабо.

Я свесила ноги с кровати и нащупала домашние туфли, похожие на тёплые тапки. Варвара поднесла мне парчовый халат, в который я укуталась. Горничная быстро привела меня в порядок. Через полчаса я уже была готова: одета в светло-голубое платье, на голове причёска с локонами. Варвара проводила меня на второй этаж к покоям великой княгини.

Войдя в гостиную, я сразу поняла, что это хозяйские хоромы, по-другому не назовёшь: высокие потолки, большие окна, шикарная мебель, подобранная в одном стиле. Даже рояль тут стоял. Горничная княгини проводила меня в спаль-

ню, сообщив, что Её Высочество чувствует себя неважно.

Елену Павловну я застала в кресле, в шёлковом пеньюаре и с распущенными волосами. Бледные щёки свидетельствовали о том, что Великая княгиня действительно нездорова.

— Доброе утро, Ваше Высочество. Могу я вам чем-нибудь помочь? — я присела в реверансе. — Может, вызвать лекаря?

— Guten morgen, Ольга Александровна, — вяло ответила княгиня, поздоровавшись со мной по-немецки. Её акцент был слышнее обычного. — Лекарь уже приходил. Ничего...

Она не успела договорить, как кинулась к столу, где стояла фарфоровая миска. Княгиню выворачивало от рвоты. Я успела подскочить к ней, чтобы придержать её распущенные волосы. Когда она откашлялась, я подала ей полотенце, что лежало на столе.

— Danke, — она прикрыла рот тканью. — Wasser...

— Подайте воды, — крикнула я горничным. Те сразу встрепенулись и поднесли хозяйке стакан. Княгиня прополоскала рот.

— Как давно вас тошнит по утрам? — участливо посмотрела я юную хозяйку дворца.

— Пару дней, — ответила она по-русски. — Скоро пройдёт. У меня так же было, когда я забеременела Мари.

— Значит, мне не показалось, — улыбнулась я. — У вас будет ребёнок.

— Да. Лекарь говорит, в мае, — её глаза засветились неж-

ностью. — Я хочу верить, что подарю наследника мужу. Михаил Павлович так ждёт сына. Может быть, тогда у нас наладятся отношения. Хотя на всё воля божья.

Мне вдруг стало жаль её. И как я буду флиртовать с великим князем, зная, что его жена в положении? Рылеев говорил, что Михаил Павлович не любит жену, однако посещать её спальню не забывает, чтобы обзавестись наследником. Их дочери ещё и года нет, а княгиня снова беременна.

— Его Высочество знает о вашем положении? — решила я выяснить подробности.

— Пока нет, — Елена Павловна устало опустилась в кресло. — Я хочу сообщить ему на балу в эту субботу. Будут мои именины, сделаю сюрприз мужу. И вы мне в этом поможете, Ольга Александровна.

— Я?! — оторопела я вдруг. — Но позвольте, чем же?

— Придумайте, как сделать это интересно и оригинально. Я хочу, чтобы Михаил Павлович обрадовался новости.

— Думаю, он в любом случае будет рад, Ваше Высочество, — я еле сдержала вздох. — Но я с удовольствием помогу вам.

— Спасибо, Ольга Александровна. А теперь подскажите, какое платье мне следует надеть на завтрак? — улыбнулась Елена Павловна. Всё же какая она хорошенькая, даже недомогание не испортило её. И чего великому князю не хватает? Не пойму я этих мужчин.

Елена Павловна

"Канарейка Великого князя"

Ольга Росса

Глава 18. Будни фрейлины

После того как княгиня оделась, мы пошли в детскую, которая находилась на этом же этаже неподалёку от покоев Елены Павловны. Войдя в комнату, я увидела занимательную картину: Михаил Павлович, уже в военной форме, стоял перед детской кроваткой и дудел в игрушечный горн, выводя бравурную мелодию. Малышка в белом чепчике сидела, улыбаясь, и тянула ручки к отцу. В комнате также присутствовали фрейлина Екатерина Владимировна и две няньки. Я присела в реверансе, поприветствовав хозяина дворца.

— Михаил, что вы делаете? Прекратите немедленно! — княгиня подошла к мужу и недовольно посмотрела на него, задрав голову. Михаил Павлович перестал играть на детском инструменте, с высоты своего роста невозмутимо взглянул на жену и тут же отвернулся, шагнув к кроватке.

— Я обучаю Мари сигналам кавалерийского полка, — он взял дочку на руки, и та радостно заулыбалась.

— Oh mein Gott! Какая кавалерия?! Она же девочка! — возмутилась княгиня. — Зачем ей это?

— Вы только посмотрите, дорогая супруга, как ей понравилось, — великий князь потискал малышку, воркуя с ней. — Правда, Мари?

Неожиданно было видеть великого князя, высокого и статного военного, нежным и любящим отцом.

— Михаил, хватит баловать Мари. Посадите её в кровать, — княгиня еле сдерживала свои эмоции. — Она привыкнет к вашим рукам, а вы потом опять уедете в Польшу или начнутся учения, и девочка будет плакать без вас.

— Однако вы её к своим рукам тоже не приучаете, хотя находитесь всегда рядом, — холодно заметил супруг княгини, но всё же усадил дочку обратно в кроватку. Та сразу скуksилась. Михаил Павлович развернулся и невозмутимо посмотрел на меня. — Ольга Александровна, вы тоже считаете, что баловать даже девочек нельзя?

Я приосанилась, пока собиралась с мыслями. Вот зачем он задал мне этот провокационный вопрос?

— Я считаю, что любовь должна быть освещена светом разума, — по-своему переиначила я знаменитую фразу французского писателя⁶. Не могла же я пойти против слов своей патронессы.

— Как хорошо сказано, Ольга Александровна, — поддержала меня Елена Павловна.

— И какую же именно любовь вы имели в виду? — Михаил буравил меня взглядом.

— Всякую, Ваше Высочество, — опустила я глаза в пол, не выдержав его напора, — к богу, отечеству, родителям, друзьям, детям и... любимому человеку, то есть я хотела сказать, к супругу.

⁶ Автор имеет в виду фразу Оноре де Бальзака «Добродетели могут принести вред, если они не освещены светом разума».

— Занимательное у вас мнение для юной барышни, — хмыкнул великий князь. — Хорошего вам дня.

Он резко развернулся и покинул детскую комнату, даже не взглянув на жену.

— Как Мари? — Елена Павловна гордо вскинула подбородок и обратилась к фрейлине, которая, по-видимому, тут заправляла няньками и обеспечивала должный присмотр за маленькой княжной.

— Всё хорошо, Ваше Высочество, лекарь заходил, осмотрел Марию Михайловну. Сказал, вылез второй зубик снизу, — отчиталась Екатерина.

— Хорошо ли кушает Мари? — затем княгиня посмотрела на кормилицу, дородную молодую женщину.

— Хорошо, Ваше Высочество, — поклонилась в пояс молочная мать маленькой княжны.

— Благодарю, — Елена Павловна наконец-то подошла к кровати, но брать на руки малышку не стала. Посмотрела на неё и, удовлетворённо кивнув, повернулась ко мне.

— Пойдёмте, Ольга Александровна, пора завтракать. Скоро у меня занятия по истории с господином Арсеньевым.

В течение дня я ни на шаг не оставляла великую княгиню, отлучаясь только по естественным нуждам. Елена Павловна оказалась очень деятельной особой. После завтрака мы посетили её рабочий кабинет, где она имела долгую беседу с историком, который рассказывал о новых изысканиях в науке и знакомил с различными статистическими данными. Я

же тихо сидела рядом на стульчике и ждала указаний, например подать для княгини стакан воды из графина или чистый лист бумаги.

Перед обедом мы гуляли в саду вместе с няньками и маленькой княжной. Елена Павловна неспешно вела со мной беседы, в основном о том, насколько впечатлило её сегодняшнее занятие с Арсеньевым.

Обед прошёл без великого князя. Как сказала его супруга, он практически всё время пропадает на службе в своём полку или в военном училище. Вечера вообще предпочитает просиживать в рабочем кабинете или проводить на своей половине дворца встречи с офицерами.

Говорила Елена Павловна о муже отстранённо, но в её голосе чувствовалась лёгкая обида на Михаила. Она умела маскировала свои эмоции, строя из себя гордую и холодную красавицу, хотя утром была такой уязвимой и ранимой в момент недомогания.

И тут меня стали одолевать предположения, что и наедине с мужем великая княгиня не допускает излишней нежности и ласки. Вот и дочку не балует своими объятиями и поцелуями. Мы ещё пару раз появлялись в детской, однако княгиня заходила больше для того, чтобы удостовериться, что с ребёнком всё в порядке. Она если и брала дочурку на руки, то совсем ненадолго и не позволяла себе сюсюкаться с ней.

После обеда мне пришлось составлять список гостей на бал в честь именин Елены Павловны. Княгиня диктовала

имена и фамилии титулованных особ, а я старательно записывала их на большом листе. Батюшку и мачеху Ольги тоже удостоили честью. Я старательно выводила пером буквы, хоть делать это было нелегко. Хорошо, что Пётр уделил внимание письму при моём обучении. Интересно, чем он сейчас занят? Если колдун находится в особняке барона Штейнгеля, наверняка опять утром расстреливал мишень — или нет? Нашла о ком думать, одёрнула я себя.

На внушительный список гостей ушёл не один час, хотя княгиня назвала предстоящее мероприятие домашним частным приёмом. Затем Елена Павловна велела мне отнести список на первый этаж в канцелярию, где служащие должны были изготовить именные приглашения на бал, подав готовые завтра на подпись великой княгине.

Спустившись по главной лестнице, я оказалась в холле. Только хотела свернуть в коридор, который вёл в пристроенный флигель, как входные двери распахнулись и в вестибюль вошли несколько мужчин в офицерских мундирах. Возглавлял их великий князь. Мужчины шумно переговаривались, направляясь к парадной лестнице. Я не успела скрыться из их поля зрения, и меня заметили.

— Ольга Александровна, вы ли это? — Михаил Павлович шагнул в мою сторону.

— Добрый вечер, Ваше Высочество, — склонила я голову, сделав реверанс.

— Вы в канцелярию? — он заметил свиток в моей руке.

— Да, это список гостей на бал.

— Бал? — изогнул он бровь. — Ах да. Именины моей супруги.

По его лицу промелькнула лёгкая тень раздражения.

— Я пригласил своих друзей сегодня на ужин, — князь кивнул в сторону офицеров. — У меня к вам большая просьба, Ольга Александровна. Сыграйте нам, пожалуйста, что-нибудь после застолья, а лучше спойте. У вас чудесный голос.

— Если Елена Павловна не будет против...

— Она не будет против, — уверенно улыбнулся Михаил.

— С нетерпением жду ужина.

С этими словами хозяин дворца поспешил к своим гостям, коих я насчитала шесть человек. Хорошо хоть Демидова среди них не было и генерала Алединского. Все военные практически одного возраста с князем. Наверное, однокашники Михаила или командиры из его полка, хотя одно другого не исключает.

Я торопилась в канцелярию, а сама думала о том, что мне спеть вечером, развлекая гостей князя. Надо же как-то действовать, делая вид, что выполняю свою «миссию», чтобы у Каховского не было сомнений, что я достаточно старалась, а то точно не видать мне родного дома.

И вообще моя патронесса княгиня, а не её муж. Вдруг у Елены Павловны другие планы на вечер.

И предчувствия меня не обманули.

Глава 19. Вечер с гостями

После того как я отнесла список, я присоединилась в гостиной к компании княгини и ещё двух фрейлин, которые были освобождены от дежурства, но могли оставаться во дворце и развлекать великую княгиню свежими новостями.

— Ольга Александровна и Екатерина Владимировна, что бы ни случилось сегодня за ужином, прошу вас остаться до конца вечера, — холодный тон великой княгини не предвещал ничего хорошего. — Если я покину гостей раньше времени, вам следует быть с гостями до конца, чтобы потом мне обо всем доложить.

— Хорошо, Ваше Высочество, — кивнула я, покосившись на фрейлину. Вот ведь «повезло» мне с компаньонкой. Судя по недовольному взгляду Екатерины, она была того же мнения.

Скоро пришло время ужина. Я переоделась в платье с более открытыми плечами и глубоким декольте. Затем вернулась в покои Елены Павловны и помогла ей выбрать наряд для вечера, точнее, просто одобрила платье, а горничные помогли хозяйке одеться.

— Ольга Александровна, вы подумали над моим заданием? — великая княгиня стояла у зеркала, рассматривая своё отражение.

— Да, Ваше Высочество. Я предлагаю устроить забаву для

гостей под названием «Отыщи клад», — вспомнила я один известный квест, в который любила играть ещё в школе. — Поделим их на две команды: мужская во главе с Михаилом Павловичем и женская под вашим руководством.

— Простите, я не буду участвовать, не уверена, что хватит сил. Я и сейчас ощущаю лёгкую утомлённость, — покачала головой Елена Павловна. — Подвижные игры не для меня, но идея мне нравится. Поэтому главой женской команды будете вы, Ольга Александровна.

Я поджала губы, понимая, что отказаться нельзя. Ладно, пусть так.

— Благодарю за оказанную честь, — склонила я голову. — Так вот, каждой команде предстоит найти во дворце спрятанную шкатулку с кладом. Шкатулку нужно будет искать с помощью цепочки из записок в виде ребусов и загадок. Таких записок-подсказок будет десять, и только в последней указано, где лежит клад. Победит та команда, которая первой найдёт клад. Подыграем мужчинам, чтобы они выиграли. В шкатулку положим детские вещи, например чепчик и погремушку. Пусть Михаил Павлович отгадает значение этих вещей.

— Мне нравится ваша идея, Ольга Александровна, — улыбнулась княгиня, повернувшись ко мне. — И гости повеселятся, и моего супруга удивим. Даю вам полную свободу действий, готовьте сюрприз.

— С превеликим удовольствием, Ваше Высочество. Толь-

ко мне нужны помощницы.

— Думаю, Екатерина Владимировна Львова вам поможет. Вы ведь с ней давно знакомы.

— Да, но у нас далеко не дружественные отношения, — меня напрягла перспектива сотрудничества с фрейлиной, которая ненавидит Алединскую.

— Знаю. Это всё из-за старшего брата Екатерины, верно? Она рассказывала мне, что вы отказали Николаю, когда тот сделал вам предложение, и он уехал служить на Кавказ.

Ах вот в чём дело — старший брат, значит, ухаживал за Ольгой. Я уж думала, они кавалера не поделили.

— Полагаю, совместная деятельность поможет вам наладить дружбу, — продолжала великая княгиня. — Я хочу, чтобы мои фрейлины помогали друг другу, а не плели козни и интриги.

— Я поняла вас, Ваше Высочество, — чуть вздохнула я, осознавая, что перечить и уговаривать княгиню передумать нет смысла. — Я всё сделаю со своей стороны, чтобы Екатерина Владимировна не держала на меня зла. Надеюсь, мы вместе справимся с организацией сюрприза, чтобы праздник удался на славу.

— Вот и замечательно. А теперь пора идти в столовую, гости моего супруга, наверное, уже проголодались.

В столовой собралось не так много людей, как вчера на приёме, но по моим меркам всё равно прилично: великий князь и его друзья, Елена Павловна с фрейлинами и ещё че-

ловек шесть из придворных, которые служили при чете Романовых. Стол ломился от изысканных блюд, жёлтый свет от канделябров придавал помещению уютную и тёплую атмосферу, а запахи съестного будили во мне зверский аппетит.

Трапеза неспешно тянулась за разговорами. Великий князь пребывал в хорошем настроении и был само очарование, шутил весь вечер, привлекая к себе внимание всех присутствующих. Я даже заслушалась его байками о военных.

— Еду я, значит, верхом по улице города и вижу солдата в калошах, — князь изобразил искреннее удивление и возмущение. — «Калоши? На гауптвахту!» — рявкнул я на наглеца. И что бы вы думали? Возвращается он обратно через минуту. Я ему кричу гневно: «Ты почему не исполнил моего приказания?» Он отвечает: «Исполнил, Ваше Высочество. Вы сказали “калоши на гауптвахту” — я отнёс их на гауптвахту». Смотрю, а он уже в сапогах стоит. Я не выдержал и рассмеялся. Каков хитрец, а?

Великий князь заливался смехом, все гости тоже невольно смеялись над его историей, даже я хихикала, прикрыв рот салфеткой. Глядя на хозяина дворца и его жену, я увидела очевидную пропасть, разделяющую их. Они слишком разные по характеру и менталитету. Елена Павловна всегда сдержанная, строгая, не позволяет себе лишнего, даже сейчас она слегка улыбнулась байке мужа. Видно немецкое воспитание во всей красе. Михаил Павлович, наоборот, по сравнению с ней, был более живым и общительным. Да, не все династи-

ческие браки оказываются удачными.

— Интересно, какой сейчас репертуар в Большом Каменном театре? — вдруг подала голос Елена Павловна, смотря на мужа. — Я давно не смотрела балет.

— Увольте, дорогая супруга. Вы же знаете, я не очень жалую танцы, — нахмурился великий князь. — К тому же в полку скоро будет очередной смотр. Может быть, в декабре посетим оперу, как раз император обещал вернуться в столицу.

— Конечно, я забыла, что солдаты и дым пороха вам ближе, чем искусство, — в голосе Елены Павловны сквозило раздражение. Она гордо вздёрнула подбородок и посмотрела на гостей. — Простите, что-то я утомилась за целый день.

Великая княгиня отложила приборы и встала из-за стола. Все мужчины, кроме Михаила Павловича, разом поднялись с мест, провожая взглядами хозяйку дворца.

Помня о наказе патронессы, я осталась сидеть за столом, как и моя компаньонка Екатерина Владимировна.

— Теперь можно немного отдохнуть от немецкого снобизма, — хмыкнул великий князь, когда его жена покинула столовую. И вдруг он посмотрел на меня. — Я рад, Ольга Александровна, что моя супруга именно вас оставила скрасить наше мужское общество.

— Благодарю, Ваше Высочество. Мне отрадно слышать, что моё присутствие приятно вам, — улыбнулась я мужчине.

— Пойдёмте же скорее в гостиную, — князь поднялся, и

за ним последовали гости. — Я жажду услышать ваш чарующий голос, Ольга Александровна. Пусть он вдохновит моих офицеров на благородные подвиги.

В его глазах светилось предвкушение и азарт. Вот и подходящий момент настал, чтобы пообщаться с Михаилом Павловичем и сблизиться с ним. В любом случае мне не помешает его благосклонность. Кто знает, чем эта авантюра закончится для меня.

Глава 20. Перестаралась

Я вошла в просторную гостиную с высокими окнами, за которыми ещё было видно алую полосу заката. На люстре не зажигали свечей — гостей было немного. Думается мне, что пользовались ею не так часто, только во время больших приёмов. Вместо неё сияли множество канделябров, хотя мне, привыкшей к яркому свету электрических ламп, всегда будет недостаточно свечного освещения.

Мужчины принялись играть в карты, усевшись за стол. Я подошла к роялю, который прятался среди фарфоровых кадок с пышными зелёными растениями. Михаил Павлович не отходил от меня ни на шаг. Он подхватил один из канделябров и, поставив его на рояль, остался рядом с инструментом.

— Что спеть для вас, Ваше Высочество? — улыбнулась я, посмотрев на мужчину.

— Чего душе вашей хочется, Ольга Александровна, — вкрадчиво произнёс он. — Ваш батюшка о вас практически никогда не рассказывал. И я даже не знал, что вы так чудесно поёте.

— Неудивительно, ведь я провела столько лет вне стен родного дома, — я кокетливо двинула плечиком. — Отец больше занят воспитанием младших детей. Для него я практически отрезанный ломоть. Выдаст меня замуж и вздохнёт

с облегчением.

— Генерал Алединский, конечно, человек строгий и порой суровый, но я уверен, что он вас любит по-своему, — мягкий тон мужчины обволакивал меня, и я невольно начала волноваться ещё больше.

— Безусловно, вы правы, — улыбнулась я. — Позвольте я спою песню на английском языке?

— Будет любопытно послушать, — он изогнул бровь, а я решила снова удивить всех репертуаром из моего времени — исполнить лирическую и чувственную песню, которую часто заказывали на юбилеях для медленных парных танцев. Пальцы коснулись клавиш, первые аккорды полились по гостинной, и я запела песню из кинофильма «Титаник», которую ещё предстоит исполнить Селин Дион на рубеже веков двадцатого и двадцать первого.

Я смотрела на свои руки, которые порхали над инструментом, и старательно выводила голосом ноты. Не заметила, как увлеклась пением, и образ Петра вдруг возник перед глазами, словно сам пролез в мою голову. Я ощутила тёплое покалывание на запястье, где как раз находилась невидимая метка колдуна, и неожиданно сбилась в нотах, а пальцы задрожали от охватившего меня волнения. Хорошо, что песня уже заканчивалась, я допела слова и быстро завершила её.

— Вам понравилось? — я подняла взгляд на великого князя, смущённо улыбаясь.

— Это было очень нежно, Ольга Александровна, — в его

голосе звучало неподдельное восхищение. Я поняла, что перестаралась. Кажется, Михаил понял посыл песни как мой личный. — Я впервые слышу это произведение. Только не говорите, что слова к ней написала ваша подруга, столь скромная, что не хочет огласки своего имени. Это ведь вы написали?

Ну вот, приплыли.

— Спасибо, но нет, Ваше Высочество, это точно не я, — пролепетала я, уводя взгляд от его пристального взора. — Если хотите, могу исполнить ещё что-нибудь.

Он в ответ приподнял бровь, намекая на свою заинтересованность в продолжении. Набрав в грудь воздуха, я начала петь, подбирая более энергичные аккорды. На этот раз мой выбор пал на сонату номер пятнадцать Моцарта — я решила развеять возникшее от первой песни романтическое настроение.

Когда я закончила, в гостиной раздались аплодисменты Михаила Павловича, а затем и его гостей.

— Как прекрасно, Ольга Александровна. Ваша музыка и голос это настоящий дар, который вызывает неподдельные эмоции и чувства, — он произнёс это искренне, но мне вдруг стало неловко.

— Вы преувеличиваете, Ваше Высочество, — отвела я снова взгляд в сторону.

— Вовсе нет. Предлагаю вам немного отдохнуть, — он подал мне руку, и я приняла её.

Стоило ему только взять мою ладонь, как невидимая метка колдуна на запястье вдруг начала нагреваться. Я покосилась на свою руку, но ничего необычного не увидела. Знак не светился. Почему же так печёт? Поднялась со стула и поспешно выдернула ладонь из тёплых пальцев князя; кожа на запястье тут же стала остывать.

— Простите, мне нужно выйти, — я присела в реверансе и направилась к диванчику, где сидела фрейлина. Оставить её одну среди компании мужчин я не могла.

— Екатерина Владимировна, мне нужна ваша помощь, — улыбнулась я добродушно, стараясь не выдать своего волнения, — пожалуйста.

Фрейлина недовольно посмотрела на меня, но всё же поднялась с диванчика. Мы вместе вышли из гостиной, оставив мужскую компанию.

— Простите, что вам пришлось уйти, — я остановилась и повернулась к компаньонке. — Мне просто необходимо прийти в себя.

— Понимаю, не каждый день сам великий князь восхищается вашими талантами, — ехидно заметила она. — Но не переживайте, Ольга Александровна, я не буду рассказывать великой княгине о том, как её супруг сегодня восторгался вами. Пока всё в рамках приличий, я буду делать вид, что меня это не касается.

— Спасибо. Кажется, я перестаралась сегодня, — вздохнула я. Не говорить же ей о том, насколько меня испугала

нагревающаяся метка колдуна. — Мне не хотелось бы огорчать Елену Павловну. И, если честно, я надеюсь, что мы с вами наладим отношения.

— Не думайте только, что будет как прежде, — Екатерина гордо вскинула подбородок. — Мой брат постоянно в письмах спрашивает о вас, его чувства к ещё не угасли.

— Мне жаль, что так всё вышло. Вы, наверное, знаете — Елена Павловна дала нам задание приготовить игру-сюрприз для бала?

— Да. Я не в восторге, но великая княгиня уверена, что у нас получится.

— У нас обязательно получится, если мы попробуем забыть прошлое, хотя бы в течение этой недели. — Первый шаг я сделала. Наживать врагов внутри дворца не входит в мои планы, и так непросто даётся мне роль Алединской.

— Согласна. Я не хочу опозориться перед Её Высочеством и подвести её, — кивнула девушка.

— Тогда перемирие объявлено? — я всё же улыбнулась собеседнице, и Екатерина кивнула. — Мы ведь можем не возвращаться в гостиную и уйти по-английски?

Снова видеть великого князя мне не хотелось, а тем более петь.

— Конечно можем. Пойдёмте к великой княгине, может, мы ей ещё нужны сегодня, — Екатерина развернулась и направилась к дверям, которые вели в ту часть дворца, которая принадлежала лично хозяйке.

Елена Павловну мы застали за отходом ко сну — она была в шёлковом пеньюаре, успела принять ванну и собиралась лечь спать. Великая княгиня пожаловалась на усталость, выслушала наш короткий рассказ о том, как прошёл вечер, но не стала журить, что мы ушли рано. Она отпустила Екатерину, а я осталась. Княгиня попросила почитать вслух книгу по истории. Сама она, по её словам, слишком устала, но, чтобы заснуть, нужно отвлечься.

Елена Павловна долго не засыпала, прошёл почти час, пока я читала. Я сама начала клевать носом над скучной монографией и потирать глаза, которые устали от плохого освещения. Так и зрение недолго лишиться. Великая княгиня заметила мою зевоту и сжалилась надо мной, отпустив отдыхать.

Я уже спускалась по главной лестнице, чтобы свернуть в крыло фрейлинских покоев, как вдруг среди тишины услышала своё имя.

— Пойдите, Ольга Александровна, — за спиной раздались торопливые шаги. Я замерла, не зная, что делать. Голос великого князя нельзя было не узнать. — Как я рад, что застал вас.

Михаил Павлович быстро догнал меня и встал передо мной на одной ступеньке. Глаза лихорадочно блестят, верхние пуговицы мундира расстёгнуты. Он смело шагнул вперёд, и вот между нами практически нет расстояния, я даже почувствовала сандаловый аромат, смешанный с запахом

замши.

— Ваши гости уже ушли? — огляделась я в надежде, что кто-нибудь сейчас появится, но, как назло, никто не спешил в вестибюль.

Глава 21. Перед балом

— Мои товарищи недавно покинули дворец, — голос у великого князя стал вкрадчивым, и я напряглась ещё больше. — А я так и не дождался вас.

— Простите, Ваше Высочество. Я нужна была Елене Павловне, — чуть запинаясь, проговорила я.

— Тогда вы должны мне дать одно обещание, — хитрая улыбка заиграла на его губах.

— Какое? — приподняла я брови, не зная, чего ожидать.

— Ольга Александровна, обещайте первый вальс на балу мне.

— Вальс? — захлопала я ресницами. — Конечно, Ваше Высочество, непременно внесу ваше имя в карне⁷.

— Уже с нетерпением жду этот вечер. Проводить вас до покоев? — он вопросительно изогнул бровь.

— Благодарю. Пожалуй, не стоит. Я уже хорошо знаю дорогу.

— Тогда просто доведу вас до развилки, где наши пути разойдутся, — его пристальный взгляд говорил о том, что князь не прочь узнать, где именно находятся мои покои. Хотя, если захочет, всё равно узнает, он же хозяин.

— Ваши покои разве не в бельэтаже? — я покосилась на

⁷ Карне — дамский бальный аксессуар в виде маленькой книжки, куда дама записывала номера танцев и кавалеров, которым обещан танец.

лестницу, ведущую наверх.

— И там тоже. На первом этаже находятся мой кабинет, библиотека и дополнительная спальня, — на последнем слове голос его обрёл ещё большую вкрадчивость и таинственность. Это был намёк?

— Прошу, Ольга Александровна, — Михаил Павлович выставил локоть, предлагая обхватить его.

— Благодарю, — я положила пальцы на рукав его мундира, и тут же на запястье опять начала нагреваться метка. Да что с ней не так? Если в первый раз можно было предположить что угодно, то теперь я удостоверилась в том, что знак колдуна реагирует на прикосновения Михаила Павловича. Интересно, почему?

Мы спустились с лестницы. Метка не обжигала, но жутко мешала, поэтому я поспешила отпустить локоть великого князя, когда мы оказались на развилке коридоров.

— Доброй ночи вам, Ваше Высочество, — пролепетала я, присев в реверансе.

— И вам, Ольга Александровна, — улыбнулся мужчина и указал на высокую дверь. — Мой кабинет там, если вдруг вам понадобится найти меня.

— Я запомню, — кивнула и поспешила в другую сторону, где располагалось фрейлинское крыло.

Я чуть ли не бежала до своей комнаты. Михаил Павлович явно испытывает ко мне нешуточный интерес. Мне даже показалось, что он воспользуется тем, что застал меня в вести-

бюле совсем одну, и начнёт откровенно приставать. Хорошо, что я ошиблась. Видимо, строгое воспитание не позволяет ему подобное поведение. Или он из тех мужчин, которые испытывают азарт охотника и получают удовольствие от процесса завоевания понравившейся женщины. Надеюсь на любой вариант.

Скорее всего, мне придётся заменять Алединскую до самого восстания, до тех пор пока оно не провалится и не арестуют зачинщиков. Эта мысль настигла меня уже в кровати, и я вдруг поняла, что совсем не хочу, чтобы это историческое событие случилось.

Только как предотвратить восстание, если я не смогу и слова об этом сказать тому же Михаилу Павловичу? Может, попробовать рассказать и проверить действие заклинания, которое Каховский наложил на меня, поцеловав. Вспомнив тот неожиданный поцелуй, я закусила губу и ощутила приятное покалывание на коже. Опять магия? Как же мне надоело это всё!

Мне нужно увидеться с Каховским и поговорить с ним. Пусть расскажет, что творится с его меткой. И, может, удастся уговорить его снять с меня заклятие запрета. Только как я увижу Петра? Придумала! Напишу записку барону Штейнгелю, горничная отнесёт её. Надеюсь, колдун найдёт способ увидеться со мной.

Целую неделю я исполняла обязанности фрейлины великой княгини. С утра появлялась в её покоях и только позд-

но вечером возвращалась к себе, словно смену отработала, очень уставала. Иногда наблюдала недомогания Елены Павловны. Хорошо, что токсикоз проявлялся слабо и тошнота не всегда мучила молодую княгиню. В такие дни моя патронесса была особенно активна и занималась кучей дел: принимала учёных и общественных деятелей, иногда они оставались на обед.

Елена Павловна много гуляла, читала, контролировала процесс подготовки к балу, успевая при этом пообщаться с дочерью и встретиться с портнихой, чтобы примерить платье, которое шилось к празднику. Всем фрейлинам тоже шили новые наряды из одной ткани — светло-голубого шёлка — но платья отличались покроем и деталями.

С Екатериной Владимировной у нас всё же получилось работать вместе. Правда, поначалу она напустила на лицо чопорное выражение и старалась много не говорить, но всё же творческий процесс её увлёк, и фрейлина перестала строить из себя железную леди. Мы приготовили шкатулку с «кладом» и двадцать записок для команд. Пришлось бродить по дворцу и выискивать интересные места, куда спрячем записки, но так, чтобы гости случайно не забрели в личные покои хозяев. Благо помещений во дворце было немало.

Михаил Павлович вообще не появлялся все эти дни, то ли занят был, то ли просто не хотел видеть супругу — не знаю.

Когда наступил праздник, я с утра уже чувствовала волнение в груди.хлопот было много: вместе с великой кня-

гиней мы проверили кухню, посмотрели, как там идут приготовления, посетили бальный зал, который слуги украсили живыми цветами, привезёнными из императорской оранжереи. Прибыли музыканты и артисты, которые должны были развлекать гостей. Мне оставалось только удивляться размаху предстоящего праздника, а великая княгиня называла его балом «для своих». Как же тогда официальные мероприятия проходят, где гостей ещё больше?

К началу праздника горничная помогла мне одеться и сделала причёску с локонами. Новое платье было готово и отлично сидело по фигуре. Пришлось использовать украшения Ольги, которые привезли с её вещами. Я с интересом разглядывала себя в напольном зеркале, не веря, что буду присутствовать на самом настоящем балу. В спальню заглянула горничная княгини и сообщила, что меня ждут.

Дворец постепенно наполнился гостями, становилось шумно. Я вместе с великой княгиней встречала в белом зале прибывших. Среди них оказались отец Ольги и её мачеха. Я просто поздоровалась с родственниками Алединской, и мы обменялись парой сухих фраз.

Великий князь появился только тогда, когда практически все гости прибыли на праздник. Он был весел и приветлив с гостями, но совершенно игнорировал супругу, даже не подошёл к ней. На Михаиле Павловиче был парадный генеральский мундир, который сидел идеально на высокой фигуре. Я пару раз ловила его заинтересованный взгляд, устремлён-

ный ко мне, но великий князь быстро отворачивался, словно и не замечал меня.

Вдруг среди гостей я увидела маячившую знакомую фигуру — Каховский. Как он тут оказался? Я же точно помню, что его не было в списке приглашённых. Колдун прекрасно вписался в толпу гостей, весь такой импозантный, в чёрном фраке и белоснежной рубашке. Петр словно почувствовал, что я разглядываю его, и обернулся. На его губах появилась лёгкая улыбка, и я сама невольно улыбнулась, обрадовавшись, что он здесь. Вот и поговорим при случае.

Я покинула компанию великой княгини, сказав, что от волнения меня замучила жажда. Подошла к столику, где стояли прохладительные напитки, в надежде, что Каховский подойдёт ко мне. Вокруг гудели разговоры, лёгкий смех, гости непринуждённо проводили время в ожидании бала, но всё это сейчас меня не интересовало. Только я коснулась бокала с лимонадом, как рядом раздался приятный баритон, от которого по коже побежали будоражащие мурашки.

— Добрый вечер, Ольга Александровна. Лучше выберите клюквенный морс, он быстрее утоляет жажду.

Я обернулась, и сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

— Рада вас видеть, Пётр Григорьевич, — склонила голову и не смогла сдержать приветливой улыбки. А ведь я действительно рада его видеть! — Спасибо за совет.

Я взяла другой бокал и пригубила прохладный напиток, не отводя взгляда от колдуна. Он смотрел на меня с той са-

мой загадкой, которая всегда окутывала его, и сердце моё забилось ещё быстрее.

— И правда хороший морс, — вполголоса произнесла я. — Не ожидала увидеть вас здесь.

— Вы же сами просили о встрече со мной. Барон Штейнгель мне всё передал, — уголок его рта приподнялся в улыбке. — И вот я здесь.

— Но вас не было в списке приглашённых. Как вы сюда попали? — тихо спросила я, оглядываясь по сторонам. Никто поблизости не стоял.

— Ловкость рук и немного волшебства, Ольга Александровна, — ответил он, не раскрывая деталей своей авантюры. В его голосе сквозила ирония, словно он наслаждался тем, что его появление оказалось настоящим сюрпризом для меня. — Вы уже обещали кому-нибудь первый вальс?

— Обещала, — и взгляд мой на мгновение устремился в сторону компании гостей, которая собралась вокруг великого князя.

Каховский заметил движение моих глаз и взглянул в ту же сторону.

— Смотрю, вы делаете успехи, — в его голосе появилась нотка язвительности. — Тогда второй вальс за мной. Я так понимаю, у вас есть вопросы ко мне?

— Правильно понимаете, Пётр Григорьевич, — я поставила бокал на стол. — Приятного вечера.

И вдруг я заметила молодую пару, которая только вошла

в зал, но перед ними все расступались и учтиво кланялись. Высокий красивый мужчина в парадном мундире шёл под руку с миловидной брюнеткой в серебристом бальном платье.

— Кто это? — еле слышно спросила я Каховского.

— Великий князь Николай Павлович с женой Александрой Фёдоровной, — так же тихо ответил колдун.

«Ого! Это же будущий император Николай Первый!» — чуть не воскликнула я, но вовремя спохватилась, открыв рот на секунду, и тут же его закрыла.

Глава 22. Метка

Я точно помнила, что в списке гостей Николай Павлович и его супруга не значились. Значит, Елена Павловна лично пригласила будущую императорскую чету.

— Жду вальса, — услышала я тихий голос Петра, когда направилась в сторону хозяйки праздника.

Вечер только начался, а сюрпризы не заставили себя ждать. Елена Павловна представила меня прибывшим родственникам, перед которыми я почувствовала трепет, зная, что скоро великий князь Николай Павлович станет правителем Российской империи. Вот бы рассказать

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.